

Валентин Черков

A submarine is shown on the surface of the ocean, moving from left to right. The sun is low on the horizon, creating a warm, golden glow across the sky and reflecting on the water. The submarine's conning tower is prominent, with several masts and antennas. The water is dark blue with white-capped waves. The overall mood is dramatic and atmospheric.

Морская
Рапсодия

Валентин Петрович Черков

Морская рапсодия

Серия «Морские истории и байки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67044072

Морская рапсодия:

Аннотация

Служба на атомном подводном флоте не проста, трудна и небезопасна, она закаляла нас, учила и воспитывала нас, помогала нам в решении всех жизненных проблем. Уважение друг к другу, преданность своей профессии, делу служения Отчизне, любовь к флоту, память о своих товарищах, однокашниках и сослуживцах – командирах и подчиненных, коллегах, мы несём через всю свою жизнь с благодарностью и с гордостью, что избрали именно такую свою судьбу.

Это второе издание книги с исправлениями, дополнениями моих однокашников. Повесть и рассказы имеют реальную основу. Имена, фамилии частично изменены. Огромная благодарность моим однокашникам – друзьям по славному Севастопольскому Высшему Военно-Морскому Инженерному училищу – офицерам Военно-морского флота, тем, кто помогал в работе над книгой. Это: Андрей Козловский, Александр Зеленский, Владимир Имаев, Виктор Черноличенко, Владимир Попов, Игорь Бобров, Анатолий Безручко, Игорь Харченко, Владимир Макаров, Игорь

Завгородний. Особая благодарность моему однокашнику и другу Владимиру Кауфману – благодаря которому, книга вышла на суд Божий.

Содержание

Часть 1	7
1	17
2	24
4	32
5	33
6	40
7	41
8	48
10	51
11	56
12	60
13	63
15	67
16	71
17	73
18	77
19	79
20	80
21	83
22	84
23	93
24	95
26	102

27	105
28	107
29	110
30	112
31	116
32	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Валентин Петрович Черков

Морская рапсодия

© Черков Валентин Петрович

Часть 1

Морская рапсодия

*Счастье моё в нашей дружбе моряцкой,
В верности долгу и чести морской,
В слове надёжном, в выручке братской,
В преданной службе Отчизне родной.*

Евгений Сушко

Камчатка! Осень одевала в золотые краски камчатские берёзы. Жёлто-красные гроздья рябины, словно россыпи драгоценных камней выделялись на ярком, золотом фоне листьев... шёл октябрь 1983 года...

На руках капитан-лейтенанта Валентина Маличенко предписание к новому месту службы... Прощай Камчатка – удивительный, сказочный край вулканов, с мягкими снежными зимами, горячими источниками Паратунки, прекрасными, добрыми, открытыми и чудесными людьми...

Ох... жаль расставаться с Камчаткой, с друзьями...

Валентин на борту ИЛ-86 – современного советского авиалайнера. Девять часов полёта над необъятными просторами Советского Союза и встречай златоглавая Москва. Впереди долгожданная встреча с семьёй, со своими любимыми девочками – с Ниной и симпатичными дочурками – Викой и

Светой. Валентин, глядя в иллюминатор, не может оторвать глаза от уплывающей камчатской земли. Самолёт резко набирает высоту. Справа, под крылом проплывает родной Рыбачий – посёлок подводников, он же, официально: Петропавловск- Камчатский – 53. Вон видны пирсы с пришвартованными огромными чёрными субмаринами, ... далее не обетованная камчатская земля, усеянная сопками, вулканами со снежными шапками вершин и кратеров, ... а вокруг этой обворожительной, дикой красоты, безбрежный, тёмно- синий, холодный, суровый и могучий Тихий океан...

Валентин откинулся в кресле авиалайнера, расслабился и задумался.

Припоминалось бурные проводы экипажем – расставание с сослуживцами родного атомного подводного крейсера – родной «азухи» (атомная подводная лодка – АПЛ 667 «А» проекта)...

«Отходную», т. е. банкет по случаю убытия, организовали втроём. Так получилось, что экипаж покидали – механик корабля – командир электро – механической боевой части 5, капитан 2 ранга Игорь Никитович Принь, техник группы автоматики и телемеханики мичман Володя Копычко, они же будущие военные пенсионеры и он, Валентин, убывающий к новому месту службы. Приказ о переводе Валентина в Эстонский городок Палдиски был подписан Главкомом ещё весной, но после была ещё одна «автономка» дальний поход (дежурство подводного ракетноносца в глубинах океана

за тысячи миль от дома, обычно у берегов чужой Америки, находясь в постоянной готовности применить грозное ядерное оружие), последняя «автономка» Валентина...

Собрать всех вместе офицеров и мичманов на прощальный ужин было проблематично – дежурства, вахты и ещё – в это время экипаж готовил корабль к переходу в Приморье.

Банкетный стол решено было накрыть в трехкомнатной, уже пустующей, готовой к сдаче, квартире Володи Копычко. Планировалось торжественный ужин растянуть на 2–3 дня, так, чтобы все офицеры и мичманы смогли дружной компанией принять участие в застолье.

Накануне, Валентин с соседом по квартире Виктором Жуковым и командиром БЧ-5 убыли на пару деньков на рыбалку, на озеро Вилюй. Вилюй был соединён с океаном небольшой одноимённой речушкой. Мужчины решили к торжественному столу разжиться камчатских деликатесов – красной рыбки, икры. В этих красивейших местах они были неоднократно, поэтому это была и рыбалка и прощание с необыкновенной камчатской природой...

Шикарный праздничный стол ломился от изобилия даров Камчатки. Проводы, как и планировали, продолжались трое суток, только так смогли охватить всех офицеров и мичманов корабля.

Утром, четвёртого дня, после длительного торжественного застолья, Валентин быстрой походкой спешил в штаб – необходимо было получить предписание к новому месту

службы и проездные документы. Недалеко от дороги, ведущей в штаб дивизии подводных лодок, на склоне сопки, на одной из камчатских берез увидел всящую чёрную флотскую ШИНЕЛЬ, на пагонах отсвечивали в лучах солнца звезды капитана 2 ранга.

«Ну и механик! Ой, да, Никитич! Поддержал традицию!» – подумал Валентин. Это была традиция, кем не известно придумана и прижившаяся в посёлке. Уходящие в запас (на пенсию) морские офицеры – подводники вешали на берёзе свою шинель, оставляя её на обозрение всем, как добрую память о своей не простой флотской службе...

Ещё свежи эпизоды недавнего застолья...

Офицеры, мичманы, между тостами вспоминали курьёзные, и довольно серьёзные случаи совместной службы, смеялись и радовались жизни, а выходя на перекуры, обнявшись, беседовали в узком кругу, и конечно, фотографировались на память...

Вот, все очень бурно вспоминали случай – когда механики корабля решили отпраздновать своё возвращение из очередной «автономки»: вечером, после службы, собраться на природе, за сопкой, выше жилых домов посёлка. Механик Игорь Никитович взял организацию на себя.

После обеда началась подготовка пикника. Общий сбор участников посиделок объявили под вечер, после подведения итогов рабочего дня командиром.

Для будущего шашлыка в местном магазине приобрели

тушу австралийского барана, ведь с другим мясным ассорти-ментом в посёлковом магазине были проблемы, (местные, в шутку, прозвали австралийских баранов – кенгуру).

Мичманам было дано ответственное задание – на место «сабантуя» доставить 50 литровую бочку прекрасного камчатского пива. Группа подводников, ответственная за жарку барана, убыла на противоположную сторону прилегающей к посёлку сопки заблаговременно, а пивной десант в магазин за пивом, дабы подкатить желанное пивко к шашлычку.

В назначенное время на «место дислокации» собрались все оповещённые офицеры и мичманы, а «пивная группа» явно опаздывала. Механик предложил так и решили, не дожидаясь пива, начать пиршество, благо, канистра «шила» – (шило – корабельный спирт), была доставлена ко столу вовремя.

Сумерки быстро сменила звёздная камчатская ночь.

Импровизированный стол был сооружён из огромной деревянной кабельной катушки. Это Миша Бальсун и Вася Полоз – командиры групп дистанционного управления обнаружили её на берегу, выброшенную штормом. Содержимое стола освещал рядом зажжённый большой костёр и керосиновая лампа, которую кто-то из предусмотрительных моряков прихватил из казармы, установив её в центре стола.

С каждой принятой дозой «шила» разговоры становились всё громче и веселее.

Наконец – то в разгар застолья, прибыло и пиво!

«Вас только за смертью посылать!» – громко выразил недовольство коллектива механик.

Но после, после очередного тоста, оправдываясь о своей столь продолжительной задержке, моряки доложили о причине своей задержки и опоздания, вообщим, доложили о своём приключении, чем не смогли избежать хохота и дружеских поддёвок над собой.

Оказалось, что, сняв пробу, т. е., опрокинув по пару бокальчиков знатного пивка, ребята начали движение с бочкой пива вверх. Почти докатив бочку с пивом до вершины сопки, она вдруг вырвалась из ослабевших рук подводников и ринулась вниз. Понеслась в сторону близ лежащих домов, катясь с ускорением, набирая огромную скорость. Сложилась аварийная ситуация – очень высока была вероятность того, что бочка влетит в одно из окон чьей-то квартиры, т. к. вдоль сопки в ряд стояли пятиэтажки верхней улицы Крашенинникова. К счастью бегущей группы, бочка, пролетев основную часть дистанции, врезалась в берёзу у самого дома и, словно снаряд, громко взорвалась от сильнейшего удара, разбросав вокруг живительную пивную пену.

Почесав запотевшие затылки, «пивная группа» вынуждена была проделать дубль пришлось с огромным трудом выпросить в пивном ларьке вторую бочку пива, изрядно переплатив в цене, и доставить её в «лагерь подводников» уже с огромной осторожностью...

Веселье продолжалось до утра.

Утром, подводники, закопчённые костром, уставшие но счастливые, радостные, словно малые детишки, всей гурьбой, брели по дороге в посёлок за механиком, который шёл впереди и нёс в руке зажжённую керосиновую лампу, словно олимпиец факел. А навстречу весёлой толпе уже шли на службу подводники флотилии – кто на подъём флага, а кто в свой штаб, они с пониманием оглядывались в след и от души улыбались своим коллегам, помятым и неуверенно переставляющим ноги...

А поход офицеров – представителей экипажа в местную баню...

Мысль устроить банный день и сбор в бане пришла Валентину неожиданно, одним из вечеров, после окончания рабочего дня. Он поделился идеей с командиром БЧ-5, а тот дал команду: «Офицерам, после подведения итогов командиром, убыть в местную баню!». Валентин, взяв ключи от здания бани у жены, Нины была в то время начальником БПК (банно-прачечного комбината) посёлка. Механик, прихватив с собой канистру с «шилом», а помощник командира боцманскую кису – мешок с консервами, в сопровождении основного состава офицеров экипажа поздно вечером «окупировали» помещение мужского отделения БПК.

Парились до утра, с тостами, громкими беседами, с песнями...

Уже потом, на очередной партийной конференции флотилии прозвучало: «Командир БЧ-5 экипажа подводной лодки

«К-389» капитан 2 ранга Принь, организовал ночью в местной бане «пьянку» с подчинёнными, грубо нарушая общественный порядок и ночную тишину посёлка подводников. Позор таким коммунистам!»

Многие присутствовавшие тихонько, не заметно хмыкали и улыбались, поглядывая в сторону делегатов конференции подводного ракетносца «К-389»...

Эх, механик, наш Игорь Никитович, для нас, Вы, были как отец, Вы нас воспитывали, оберегали и учили, проявляя отеческую заботу, и мы были за Вами, как за каменной стеной... увидимся ли мы ещё!?!...

Свидимся ли... дорогие мои друзья – подводники, с которыми не один год неслись вахты, месяцами находясь в океане, обслуживая автоматику электроэнергетической системы корабля, а затем и всего электро-технического оборудования подводного ракетносца...

Мысли, мысли...

Последняя «автономка» началась в июне. Через несколько дней после ухода экипажа в дальний поход, в посёлке подводников начался несусветный переполох, свалилось огромное горе – утонула атомная подводная лодка. Слухи о катастрофе атомохода распространились молниеносно. «Кто погиб? Сколько погибло подводников?», никто, толком, не знал. Среди жён моряков-подводников началась паника. Экипаж Харина (подводники называли экипажи атомоходов по фамилии командира корабля), а может и не они?

...

Тогда, не было точно известно, какая именно подводная лодка утонула. Ведь когда подводная лодка уходила в дальний поход – на боевую службу, из соображения скрытности, из базы выходила в океан ещё одна субмарина. Они вместе, обе, шли в точку погружения в нескольких кабельтовых друг от друга, а после погружения, под водой, кто куда – «расходятся как в море корабли». Вот та – АПЛ «К-429», вторая, которая тогда сопровождала АПЛ «К-389» – Харина, идущую на боевую службу, должна была вернуться назад, в базу. Не вернулась... Но, какая всё-таки лодка потерпела катастрофу многие не знали?...

Нина очень переживала, не находила себе места, и лишь только через несколько тяжёлых дней и бессонных ночей, смогла узнать от Василия, мужа своей подруги Гали Коренной, что утонула лодка не Валентина.

– Жив твой подводник, жив! – убеждали её друзья.

А тут ещё, неожиданно пришла горькая весть – у Нины умер отец... Нина с детьми, не дожидаясь мужа из дальнего похода, вынуждена была улететь на родину, на похороны, и уже там она и осталась ждать приезда Валентина чтобы, потом, с ним вместе продолжить путь к новому месту его службы...

Валентин посмотрел в иллюминатор самолёта, облака ушли вниз, земли не видно. Самолёт, набрав высоту, летел под монотонный звук моторов...

«Как там мои родные!?» – в очередной раз подумал Валентин, откинувшись в удобном кресле самолёта.

Закрыв глаза, снова углубился в раздумья...

Как быстро бежит время, пролетают дни, месяцы, годы... как будто всё это было совсем недавно...

Вспомнилось детство... начало военно-морского пути...

1

Военкомат. Призывная комиссия. Вопрос, на который всем призывникам необходимо ответить строгому дяде в военной форме:

– Ну, и где бы Вы хотели служить? В каких войсках?

Да, вопрос интересный, но на него, у призывника Валентина Маличенко давным-давно созрел ответ.

– Хочу служить на флоте!

В разговоре с ребятами-одногодками этот вопрос поднимался не раз, где служить и в каких войсках. Совсем недавно срок срочной службы был сокращен на год. На флоте вместо четырех – три, в других войсках – два. Некоторые ребята даже насмехались: «Лучше – два! Пролетели, и не заметил!». Но Валентину уж очень хотелось на флот. Да, три не два, не беда! Флот- это сила, порядок. А форма!... моряки отличались небывалой смелостью, отвагой, а их служба – с дальними океанскими походами, трудностями, крепкой флотской дружбой и взаимовыручкой – романтика! Многие художественные фильмы о моряках, особенно на военную тему, были подтверждением этому...

Служивые в роду были. Брат деда Валентина служил в царской гвардии. Отец вернулся с войны танкистом, горел в танке. Расписались они с мамой в 49-ом году. Часто вспоминал военные годы. Отец много пил, что и привело, кстати, к

разводу с матерью. А вот флотских в семье не было.

Жили они вдвоем с матерью. Мама как-то сказала:

– Сынок, вышел указ, что если ты у матери один и она пенсионерка, служить тебя не возьмут. А если женишься, тогда заберут служить. Поэтому учись и не спеши жениться.

– Нет, мама, я хочу стать моряком! И им стану!

Парню нравилась флотская служба, и Валентин с детства мечтал стать моряком.

Попытка поступить на базе восьми классов в «мореходку» провалилась из-за какой-то, недостающей справки. И хотя Валентин уже учился в техникуме, желание стать моряком всё равно росло. Постоянно преследовала мысль: «Вот окончу техникум, буду поступать в «вышку», так называли ребята высшее морское училище, все равно стану моряком!...

Шел 1967 год. Позади первый курс техникума, и Валентин понимал, что необходимо учиться, время это диктовало – без образования, ты просто никто! Мама говорила:

– Сынок, учись! Знаю по себе как тяжело без должного образования. Учись, пока я жива!

Трудное детство без отца, мать постоянно на работе и вся в заботах.

Помнятся и наставления любимого дедушки. Посадит он к себе на колени и говорит:

– Внучек, учись! Время сейчас такое, что без знаний ты никуда!

Дедушка остался в памяти: высокий, мощный, с больши-

ми усами, строгий, но очень добрый. Особенно запомнились его широко открытые, голубые глаза.

Валентину было всего пять, с небольшим. Он хорошо запомнил тот 1956 год, ту зиму, тот холодный январь. Мама на работе (пять суток работает в 50 км от дома, там и живет, затем пять – дома). Жили в небольшом украинском городке районного значения, в новом доме, который построили своими руками, несмотря на трудные времена, собирая копейку к копейке, экономя на всем. Мама третий день была на работе. Хозяйничали в доме вместе с дедушкой. Как то вечером деду стало очень плохо, он корчился от боли в области живота, согнувшись, ойкая и причитая. Валя забился в угол большой железной кровати, так и уснул. Ночью в доме стало очень холодно. Мороз через неплотно закрытые двери пробирался под одеяло. Как ни прижимался он к уже холодному телу деда, теплее не было. Дедушка лежал рядом, навзничь, с открытыми стеклянно – голубыми глазами. Утреннюю тишину разорвал голос соседки – старухи:

– Елисеевич! Почему у тебя дверь нараспашку и печку не топишь?

– Дедушка умер! – всхлипывая, высунув голову из-под одеяла и вытирая слезы, проямлил малыш...

Не стало любимого дедушки, а его взгляд с фотографии, висевшей над той кроватью, ещё долго преследовал внука. Жаль, рано, очень рано он ушел в мир иной.

Мама как-то рассказывала, что в период борьбы с кулаче-

ством пришлось хлебнуть немало горя. Жили большой семьей на хуторе. Два брата: отец мамы – Евтихий Елисеевич и Пётр Елисеевич с женами, детьми. Нажили своим трудом мельницу, хозяйство – пять коров, пару лошадей. Трудились от зари до зари всей большой дружной семьей. Однажды зимней ночью пришли активисты, так их величали в то смутное время, и все нажитое трудом забрали. Окна выбили, детей и взрослых – на телеги и в теплушки, поездом в Сибирь, приговаривая:

– Там ваше место, кулаки проклятые, выживайте, как Бог даст ...

За что?

Мамы и её кузины Лены тогда дома не оказалось. Вернулись они из города и ахнули, узнав от соседей о случившемся, огородами ушли подальше от лиха, к тётке Харитине в село, неподалеку от города ... Дети раскулаченных преследовались.

Мама сняла в городе квартиру. Тётя Лена уехала на Донбасс, скрываясь от властей ... там строились новые шахты и на работу принимали всех – не хватало рабочих рук. Так она и осталась там жить ...

Маме пришлось, работая на заводе, тоже скрывать кто она, чья, и откуда. Трудно тогда жилось ... она часто вспоминала о той жизни, плакала и рассказывала сыну.

У тёти Лены жизнь сложилась тоже не сладко. Работала на шахте, потом война, оккупация, поздно вышла замуж за

шахтёра Вячеслава Михайловича, крепкого мужика ... вырастила сына, а затем и приёмную дочь...

Позже тётя Лена, вернулась на родину. Поехала она с мужем на родной хутор, правда уже давно и хутора не было, место, где стоял хутор, трудно было узнать. Решили с Михайловичем посмотреть места, где когда-то жил большой дружной семьёй трудолюбивый, старый род Маличенко, где когда-то стоял их отчий дом. Местность было не узнать, прошло ведь не одно десятилетие. Всё вокруг заросло дебрями – кусты, высокая трава ... с большим трудом узнавала тетя Лена родные места ... Всё очень изменилось. Нет и церквушки ... По остаткам разваленного фундамента в густой траве отыскивали место где стоял дом. ... Слезы неудержимо катились по лицу ... Здесь прошло детство, юность ... Вон там была мельница, там стоял большой сарай, там был огород, там чернозёмные поля, политые потом домочадцев, а вон и речушка превратившаяся в небольшой ручей. Берег зарос деревьями, кустами... «Да – а – а, ... здесь, когда-то звучал детский смех.» – задумалась тётя Лена. ... Ноги подкашивались, слабость охватила тело, тётя Лена опустилась на землю ... Память, память ...

Так вот и сидели убелённые сединой старики, молча, каждый вспоминая то время. Вспоминала тётя Лена как жила когда-то здесь большая семья Маличенко, ... как дружно трудились от зари до зари и мал, и стар ... вспоминала отца, которого расстреляли в 33ьем...

Солнце медленно опускалось к закату, словно прячась от стыда за то, что произошло, произошло здесь в те далёкие годы ...

Опускался вечер ... тишина ... лишь в траве слышался знакомый стрекот кузнечиков ... дурмящий запах трав и полевых цветов наполнял лёгкие ...

Тётя Лена попыталась встать, но тут, же рухнула наземь... ноги словно ватные. ... как не пыталась подняться, так и не смогла она стать на ноги.

Воспоминания, пережитое, горе тех лет сделали своё коварное дело ...

В итоге – инвалидность ... и на ноги она уже не встанет больше никогда ...

Мама, вспоминая, рассказала Валентину, как в пятьдесят третьем, когда все были в слезах и в трауре – умер Сталин, – её отец – дед Валентина встал лицом к репродуктору на городской рыночной площади, перекрестился прилюдно и громко произнёс:

– Слава Богу, на одного бандита меньше стало!

– Дедушка, Вы что, посадят! – одергивали его окружающие.

– Я своё уже отсидел! – отвечал дед, крестясь.

Смелым был дед! Правду, какой бы она не была, невзирая на последствия, он мог смело сказать в глаза. У него было очень развито чувство справедливости, за правду он готов был бороться, бороться и бороться ...

Эти качества стали проявляться и у внука. От этой наследственности страдал обычно сам же Валентин. Ничего не поделаешь, гены!

2

Получив неполное среднее образование, в 66 году Валентин поступил в металлургический техникум. Старался учиться хорошо. Стал одним из основателей туристического кружка в техникуме.

На четвёртом, последнем курсе, перед Новым годом Валентин и его ребята, будущие металлурги – прокатчики, после производственной практики возвратились в стены техникума. Предстояли рождественские каникулы, в то время их называли – зимними. Валентин уже второй год возглавлял туристический кружок. За плечами ребят было уже несколько походов по Крыму, Кавказу, Карпатах. Вот и сейчас, перед написанием дипломной работы, друзья предложили Валентину возглавить туристическую группу в лыжном походе по Закарпатья. Желających стать участником похода было предостаточно – звала романтика! Валентину дали возможность выбрать участников похода и совместно со своим заместителем – преподавателем техникума укомплектовать группу, вот тогда он впервые и увидел свою Нину, заглянув в класс высшей математики. Она, красивая, задумчивая сидела за первой партой и готовилась к ответу на экзаменационный билет. Девушка сразу очаровала его, и Валентин заявил своему старшему другу – преподавателю, тоже участнику похода, с которым согласовывали состав группы:

– Вы, берите в нашу походную группу кого хотите, на своё усмотрение, с условием, что в поход с нами пойдёт эта девушка, – и показал на Нину, через небольшую щель приоткрытой двери класса.

На первом сборе отобранных участников зимнего лыжного похода обсудили все нюансы и детали. Ребята присматривались друг к другу. При получении походного инвентаря у завхоза техникума, Валентин украдкой поглядывал на Нину, а она на него и словно невидимая искра пролетела между ними ...

В походе они познакомились ближе, подружились. Валентин взял шефство над Ниной, помогал ей во всём. Неведомая сила стала всё сильнее тянуть их друг к другу ...

По возвращению из похода ребята стали часто, почти ежедневно, встречаться. Он готовился к защите дипломной работы, она заканчивала учёбу на втором курсе.

Незаметно пришло лето.

Валентин успешно защитил дипломную работу и получил направление на работу по специальности на трубопрокатный завод. У Нины начинались летние каникулы. Валентину предстоял месячный отпуск после окончания учёбы, который он решил посвятить поездке на Кавказ. Предложил Нине принять участие в сложном горном путешествии по Центральному Кавказу, она обрадовалась предложению и они стали вместе усердно готовиться к походу. У Валентина был уже опыт участия в горных походах, и он его передавал Ни-

не. Учил её вязать узлы, они много читали туристической литературы о технике переправ, восхождений. Они вместе изучали район путешествия. Маршрут похода намечался в самом сердце Центрального Кавказа по Чегемскому и Бизенгийскому ущельях. Поход состоял их двух частей:

– Первая часть – покорение вершины горы Кору и несколько сложных перевалов Главного Кавказского хребта.

– Вторая часть похода – переезд в город Терскол, восхождение на отрог Эльбруса и далее через альплагерь «Алсу», через перевал главного кавказского хребта «Нахар» переход в столицу Абхазии – Сухуми, и двух недельный отдых в живописном месте на берегу Черного моря на границе с Абхазией, близ села Леселидзе.

Группа состояла из четверых участников. Всю сложность и трудность похода ребята почувствовали с первого дня, хотя проявляли свои бойцовские качества.

После спуска с вершины Кору и ночёвки в альпинистском лагере «Безенги» ребята побывали у камня с множеством табличек на нём, повествующих о смелых людях альпинистах, отдавших свою жизнь, покоряя сложные и неприступные вершины Кавказа. Именно об этом камне пел Владимир Высоцкий – «Тот камень, что покой тебе подарил ...», в душе с особой силой проявилось глубокое уважение к отважным, очень смелым, лихим людям – к альпинистам.

Горы – могучие и огромные, величественные, неприступные и суровые, словно свисали над головами, вокруг. В го-

рах появляется особое чувство. Человек начинает понимать огромную силу природы, её мощь, красоту, волшебство. И на этом фоне человек становится маленьким и беспомощным и всё-таки, каким бы не казался маленьким человек по отношению к этим громадинам, с холодными снежными вершинами и непроходимыми ледниками, он их покорял и покоряет!

Прибыв в Терскол, в разгар похода, Игоря – руководителя группы вызвали телеграммой на сборы, на Памир и он, оставив вместо себя Валентина, улетел в высокогорный городок Ош – место сбора горных туристов. Походная группа стала состоять из троих участников. Начался второй этап похода. Покинув горный город Терскол, поднялись по крутому склону и стали на ночевку под Эльбрусом. Рано утром, подобравшись к самому Эльбрусу, преодолевая его снежные покровы, вышли на перевал и начали спуск с его отрога способом глиссирования (скольжение по снежному склону в положении полусидя, опираясь на ледоруб и, тормозя им) поэтапно, с остановками. Валентин первым прокладывал путь девчонкам. За ним спускалась- глиссировала Нина. Остановилась, подждав Зину, которая шла замыкающей. Валентин останавливался часто, и стоя, глядя вверх, наблюдал за спускающимися девчонками. И вдруг, уже в самом конце спуска ... Зина неожиданно споткнулась и тяжеленный «абалаковский» рюкзак, полетев через голову, потянул её за собой, и она кубарем по крутому снежному склону покатила вниз...

– Нина – а, – закричал изо всей мочи Валентин, – лови Зинку!

Нина сделала всё как учили – быстро сориентировалась в обстановке, мгновенно сбросила тяжёлый рюкзак, и, приготовившись, в момент пролёта Зины рядом, упала на неё, и счёсывая кожу на костяшках своих рук, крепко зарубившись ледорубом в плотный снег крутого склона, предотвратила дальнейшее падение подруги. В итоге она спасла Зину от более серьёзных последствий падения, от трагедии.

Избежать серьёзных травм Зинаида не смогла. Кристаллическим снегом была содрана кожа лица, и одна из его сторон превратилось в сплошную кровоточащую рану. Левая рука выскочила из плечевого сустава и словно плеть болталась вдоль туловища на сухожилиях.

Оказав Зинаиде первую помощь, ребята приняли коллективное решение – спускаясь вниз по ущелью, добраться до альплагеря, и уже там, оказать Зине необходимую врачебную помощь. Содержимое рюкзака пришлось перераспределить между собой, а Зине, опираясь поочерёдно на плечи ребят, идти налегке. Лишь только к вечеру вторых суток группа добралась до альплагеря. Травмы, полученные при падении, не позволяли далее Зинаиде участвовать в походе. Да, ещё при форсировании горной реки, у альплагеря, Зинаида повредила ногу. К сожалению, необходимо было снимать её с маршрута и отправлять домой. Так и решили.

Далее, по маршруту второго этапа похода Валентин и

Нина продолжили путь вдвоём. Оставалось перебраться через Главный Кавказский хребет, преодолев последний перевал по имени Нахар. Штурм начали рано утром. Преодолев вброд горную речку, начали покорять крутой подъём к перевалу. К обеду добрались к снегам. Впереди, к небольшой ложбинке перевала, очень крутой, почти вертикальный, снежный подъём. Валентин, тяжело дыша, шёл первым, рубя ступени в плотном снегу. Нина карабкалась за ним следом. Вдруг за спиной послышался шум хрустящего снега. Валентин, оглянувшись, обомлел, ... Нины не было ... он, сбросив и быстро закрепив рюкзак своим ледорубом, повернувшись спиной к отвесной снежной стене, пулей устремился вниз, ломая ступени. Вдруг ноги упёрлись в скальную площадку. Там, далеко внизу, виднелось небольшое горное озеро с голубой водой и небольшими белыми льдинами. «Неужели Нина там?» подумал Валентин и тут же отогнал навязчивое предположение. Он внимательно осмотрелся вокруг. Недалеко, среди пятачка выступающих из снега скал он увидел Нину. Валентин быстро оказался рядом. Она лежала на боку. Её нога попала в щель, образовавшуюся между скалой и подтаявшим плотным слоем снега, которая попав между её ног, задержала её от дальнейшего стремительного падения, падения туда, далеко вниз, в холодное горное озеро, куда и смотреть было страшно.

Вытащив девушку, они оба ещё долго, молча, приходя в себя, сидели на тёплой плоской скале, спасшей жизнь Нине.

Желания остановиться на ночёвку на снегу не было. Ночью, высоко в горах, не смотря на лето, было морозно и это было уже неоднократно проверено в первой половине похода. Поэтому нужно было идти вперёд, стараясь затемно, преодолев коварный перевал, спуститься как можно ближе к кромке леса, и там, в более комфортных условиях поставить свою «серебрянку» – палатку.

Ребята, не спеша, подобрались к рюкзаку Валентина, и уже теперь, по всем правилам альпинизма, обвязавшись страховочной верёвкой – в связке, продолжили путь к перевалу. Их ещё долго не покидала мысль о случившемся.

Выбравшись из облаков, окутавших горы, ребята наткнулись на пастухов и их кош Полакомившись остро – кислым айраном (скисшим овечьим молоком) и поспешили вниз. Выбиваясь из сил, затемно, добрались до зелёной травки и деревьев. Даже не перекусив, забрались в тёплый спальник, предаваясь крепкому сну. Долго не могли проснуться, сказывалась сильная усталость и дурманящий, тёплый, пахнущий травами, хвоей воздух.

Путь теперь лежал по Абхазии. Рано утром ребята были на турбазе «Южный приют». На попутке, в кузове грузовика, доехали до Сухуми, а затем на электричке добрались и до места отдыха у моря.

Свою палатку – «серебрянку» Валентин и Нина установили на живописном берегу речки, впадающей в море, на границе между Россией и Абхазией у посёлка Леселидзе. Целых

две недели ребята наслаждались ласковым солнышком, купанием в тёплом море.

Они были одни на белом свете, влюблённые и счастливые. Это были самые счастливые дни!

Они были безмерно счастливы!

Кавказский поход ещё крепче сдружил ребят.

3. Вот и позади учеба в техникуме, и год работы на трубопрокатном заводе-гиганте, куда Валентин получил направление после окончания техникума.

Завод для страны имел стратегическое значение, поэтому на молодого специалиста военкомат на пять лет наложил бронь», т. е. с призывом на срочную военную службу ни- ни. Но мечта стать моряком не угасала. Через комитет комсомола завода Валентин получил комсомольскую путевку для поступления в военное училище.

Валентин и Нина тянулись друг к другу, и не было дня, чтобы они не были вместе. Их дружеские отношения постепенно переросли в настоящую, чистую и крепкую любовь.

И вот в конце весны в их жизни произошло очень важное и ответственное событие они с Ниной сыграли свадьбу!

Теплым июльским вечером, у главного входа огромного областного железнодорожного вокзала, невзирая на столь позднее время, было многолюдно. Здесь и договорились встретиться ребята, которым в военкомате вручили документы для убытия в легендарный город-герой Севастополь, для поступления в высшее военно-морское инженерное училище. Из всей огромной индустриальной области, только пятерым юношам, прошедшим отбор врачебными и мандатной комиссиями, выпала честь быть допущенными к конкурсным вступительным экзаменам. Среди них был и голубоглазый юноша – Валентин Маличенко.

Нина знала мечту своего любимого – стать моряком, и всячески поддерживала молодого супруга. Когда он после тяжелых трудовых смен садился за учебники, весь бытовой груз взваливала на себя, несмотря на то, что сама оканчивала третий курс техникума.

– Ты поступишь, вот увидишь! – всячески поддерживала она мужа.

– Это мой последний шанс стать моряком! Я постараюсь! Поступлю, вот увидишь! обнимая свою любимую, отвечал он.

Раскатистым военным маршем «Легендарный Севастополь», белокаменный красавец Севастополь встретил прибывший поезд с ребятами, может быть в будущем, курсантами. Вскоре рейсовый катер, отходя от знаменитой Графской пристани, рассекая кристально чистую морскую гладь Северной бухты, уносил ребят все ближе и ближе в бухту Голландия, к величественному, утопающему в зелени крымских деревьев, красивому зданию военно-морского училища, прозванного моряками «Голландия».

Училище готовило высококвалифицированных военных инженеров – офицеров подводников – элиту Советского Военно-Морского Флота.

В послевоенное время, в стране, большими темпами шло строительство самых современных военных кораблей, особенно атомных подводных лодок, с грозным ядерным вооружением, требующих высокопрофессиональных специалистов.

Сидя на корме рейсового катера, Валентин с грустью провозжал взглядом бурлящую, уходящую от винтов морскую воду, и думал:

– Нет! Не скоро я увижу эти пенящиеся буруны и вернусь на вокзал! Я обязательно поступлю в училище! Я поступлю, во что бы то ни стало, поступлю!

Солидная по размерам территория училища, словно райский уголок утопала в тени больших деревьев. Пройдя восточные ворота нижнего жилого городка, обойдя фонтан и перейдя проезжую часть дороги, соединяющую верхнюю и нижнюю часть поселка Голландия, минуя очередные охраняемые ворота, прямо, по огромной бетонной лестнице попадаешь в верхнюю, центральную часть училища, к главному белокаменному учебному красавцу корпусу. Направо за воротами, вверх, изгибаясь, поднималась асфальтированная дорога, ведущая к современной курсантской столовой, с огромными окнами. Здесь, открывалась чудная панорама Севастопольской бухты с причалами, военными кораблями, и самого города, и до горизонта, синим – синим морем. Какая необыкновенная красота! Здесь, в райском уголке, очень хотелось жить и учиться!

Ежедневно в училище прибывали сотни парней из разных городов Советского Союза. Их расселяли в нижнем жилом городке училища, на берегу бухты, где в большом шлюпочном ангаре были выставлены рядами в два яруса армейские железные койки.

Кандидаты, т. е. абитуриенты, пройдя приемную комиссию, указав в заявлении на какой факультет будут поступать, распределялись в так называемые потоки, по 150 человек.

Валентин, невзирая на самый высокий конкурс, выбрал электротехнический факультет.

Для каждого потока был составлен план-график с указа-

нием дат и времени консультаций, бесед и экзаменов. Валентин не раз видел, как после первого экзамена – письменной математики, из потока оставалось меньше половины. В разговорах ребят слышалось, что в этом году конкурс в училище составляет более десяти человек на место. Лихо!

За каждым потоком был закреплен старший – начальник потока – мичман, штатный служащий училища, который на следующий день после каждого экзамена на плацу, у шлюпочной базы проводил особые ритуальные действия – построение потока с зачитыванием итогов сдачи экзамена:

– Иванов, сдал! Петров не сдал!... Не сдавшим экзамен, выйти из строя! На – а-а – ле во! Убыть с личными вещами в здание приемной комиссии для получения проездных документов для убытия домой, на родину! До свидания! Остальным кандидатам готовиться к сдаче следующего экзамена! Разойдись!

На построение после первого экзамена Валентин шел, скрестив пальцы рук – на удачу, очень переживая, боясь услышать свою фамилию в списке не сдавших, несмотря на то, что, учась в техникуме, дружил с математикой и даже участвовал в городской математической олимпиаде. Экзаменационные задачи попались не из легких, большинство задания было на логическое мышление. Тем не менее, когда задачи и примеры были успешно решены, Валентину даже хватило времени, чтобы незаметно помочь впереди сидящему земляку.

Мичман – начальник потока зачитывал фамилии кандидатов в алфавитном порядке. Затаив дыхание, все трепетно ждали результатов. И тут:

– Маличенко! ... Сдал!

Камень свалился с плеч. Первый барьер преодолен! Но радоваться было пока преждевременно. Впереди ещё экзамены: математика – устно, физика – устно, русский язык и литература – сочинение.

По вечерам некоторые ребята, на свой страх и риск, самовольно убывали погулять в город, другие устраивали мини футбол или собирались «поточить лясы» на различные темы, ведь прибыли ребята из разных уголков огромной страны. Валентин, уединившись, достав учебники, готовился к предстоящему следующему экзамену.

Вот, наконец, сдан и последний экзамен. Фамилия Маличенко очередной раз не была зачитана в списке не сдавших экзамены или не прошедших конкурсный отбор. Гора свалилась с плеч! Среди неудачников, однако, к сожалению, оказались все Валины земляки.

Сданы нормативы по физической подготовке, это тоже была своеобразная проверка физической подготовленности парней. Настоящий мужской экзамен! «Физо» сдано успешно! Далее всех кандидатов, сдавших экзамены, ждала мандатная комиссия.

Ребят, в ожидании прохождения мандатной комиссии училища, разместили в казармах и из кандидатов, успешно

сдавших экзамены, прошедших по конкурсу и прошедших успешно мандатную комиссию, зачисляли приказом начальника училища и переодевали в новенькую курсантскую рабочую форму – робу и на каждом факультете начали формировать новые подразделения – курсантские роты.

Прошла неделя в томительном ожидании. Валентин ждал вызова на мандатную комиссию и решения командования, глядя с огромной завистью на своих сверстников, обладателей синих флотских воротников – гюйсов и блестящих военно-морских блях на ремне. Оказывается, что в правилах поступления в военные училища говорилось, что принимаются в училище юноши в возрасте до 21 года, а Валентину шел двадцать второй, лишь месяц назад ему исполнилось 21.

И вот, наконец, объявили – кандидату Маличенко убыть на мандатную комиссию!

– Вы хотите учиться в училище? – задал вопрос Валентину, стоящему перед членами комиссии, начальник училища, седой, уже солидного возраста, адмирал.

Кто-то из членов комиссии – старших флотских офицеров, не дожидаясь ответа кандидата, сказал:

– Он уже взрослый парень, и видимо хорошо осознал свой ответственный шаг в жизни. Юноша даже женат! Взрослый! Можно и нужно сделать исключение – ведь 21 год исполнился парню совсем недавно.

А кто-то из членов судьбоносной комиссии подхватил с иронией:

– Да и преимущество юноша имеет перед своими однокашниками – на пенсию пойдет раньше...

У Валентина участилось сердцебиение, как-никак, решается судьба!

– Очень хочу поступить, очень хочу стать военно-морским офицером! – громко произнёс он, глядя в глаза адмирала.

Адмирал призадумался, затем встав со своего места, медленно выйдя из-за стола, подошел вплотную к стоящему кандидату и неожиданно протянул юноше руку. Валентин, глядя в усталые глаза адмирала, в ответ нерешительно протянул свою руку. Адмирал, пристально посмотрел в полные тревоги и надежды глаза Валентина, и крепко пожал его руку. Выдержав паузу, произнёс:

– Поздравляю, товарищ курсант! Вы зачислены на второй факультет нашего училища, желаю успехов в учебе и службе!

От счастья и радости услышанного Валя готов был расцеловать адмирала, этого доброго, седого человека...

– Спа... си ... бо! – выдохнул Валентин, ещё до конца не осознавая, что добился своей давней цели – стал курсантом Севастопольского Высшего Военно-Морского инженерного училища.

В казарму, не помня себя, курсант Маличенко влетел, озарённый и окрылённый своим счастьем. Не откладывая, тут же написал короткое радостное письмо домой, разделяя свою радость со своими близкими, родными людьми – ма-

мой и Ниной.

6

Начался курс молодого матроса. Первокурсники, несмотря на напряженный распорядок дня, уже втянулись в ритм новой жизни, насыщенной различными занятиями и тренировками. Утренние кроссы и физическая подготовка делали свое дело – ребята набирались сил, мужали. Всё выполнялось точно в назначенное время, это становилось привычным делом. Физически было нелегко. Август и сентябрь в Севастополе выдались очень жаркими. Практически каждый вечер приходилось заниматься стиркой. Роба и синий красавец гюйс в течение знойного дня пропитывались потом так, что становились белыми от соли.

Курсантская рота была относительно небольшая – два взвода или два класса по 28 человек. Валентин был определен в первый взвод. Состав роты первокурсников электротехнического факультета был разношерстный. Треть ребят были из самого Севастополя, остальные из Москвы, Ленинграда, различных уголков огромного Советского Союза.

Ежедневно, по вечерам, выкроив время, перед отбоем, Валя принимался за написание письма домой. Очень соскучился по дому, по своей любимой Нине. Письма из дома приходили часто, он их перечитывал по несколько раз и с огромным нетерпением ждал будущей встречи...

Легководолазная подготовка в Севастопольском Высшем Военно-морском инженерном училище, как и во всех других военно-морских учебных заведениях, одна из основных теоретических и практических подготовок будущих подводников. Бассейн, специально сооруженный для практических занятий, представлял собой бетонное сооружение глубиной около 5 метров, в уютном месте на живописной территории училища. Инструктора – мичманы, бывалые подводники, водолазы, были очень требовательны. Законы погружения и всплытия, поведение при нахождении под водой сопровождалось опасностью и коварством, поэтому инструктора требуют неукоснительного выполнения режимов декомпрессии, подготовки и проверки снаряжения и аппаратуры, знание сигналов, подаваемые к водолазу и обратно.

Курсанты – молодые ребята, которые только совсем недавно, сдавшие вступительные экзамены по знанию фундаментальных наук, были обязаны изучить основы легководолазной подготовки, а также устройство и принцип работы основного аппарата, находящегося в заведовании у каждого подводника на корабле – «ИДА-59». Причём каждый должен был знать лёгководолазное дело досконально. Ошибки в действиях при погружении в легководолазном снаряжении были смерти подобны. Опытные мичманы инструкторы учили

и наставляли курсантов, внушая им, что каждый подводник при прохождении службы на подводной лодке имеет в своем заведовании личный аппарат «ИДА-59», снаряжение к нему, и может столкнуться с необходимостью спасения жизни своей и своих товарищей в этом, в таком, изучаемом снаряжении.

Успешно пройдя цикл теоретической подготовки, курсанты приступили к сдаче зачетов по практическому погружению в легководолазном бассейне. Инструктора очень жёстко принимали зачёты у ребят. Отрабатывалось выполнение под водой команд, которые передавались от страхующего курсанта через страховочный конец. Раз дернул – «Как себя чувствуешь?» Ответ был таким же, – одно подергивание – «Чувствую себя хорошо!» Частое подергивание означало тревогу – что-то неладное с водолазом.

При погружении, под водой, необходимо было выполнить ряд практических задач, которые могли возникнуть в жизни подводника.

Курсант Саша Кислицин медленно уходил под воду, спускаясь по трапу, уходящему в глубину бассейна. Над водой задержалась голова курсанта в смешной маске аппарата, чем – то похожей на голову гуманоида. Держа спасательный страховочный конец в руке, он обжал вздувшийся легководолазный костюм, выпуская через клапана скопившейся в нем воздух, и медленно исчез под водой.

На сигнал «Как себя чувствуешь?», ответ последовал от

Саши – «Чувствую себя хорошо!», и тут же резкими рывками последовал из глубины тревожный сигнал. Инструктор вместе со страхующим курсантом потянули за страхующий конец (канат), связывающий, словно пуповина, Кислицина с внешним миром. Саша, словно мешок, был быстро извлечен на поверхность и уложен на прогретый солнечными лучами бетон. Инструктор, быстрым движением переключил аппарат на дыхание в атмосферу и снял жгут с горловины костюма, стягивая снаряжение с обмякшего Сашиного тела. Появилось перекошенное от ужаса синюшное лицо будущего подводника с выпученными глазами. Рот, обрамлённый фиолетовыми губами, словно у большой рыбы, ритмично открываясь, хватал живительный воздух. Инструктор хлопал рваншееся к жизни лицо по щекам, пытаясь вернуть Александра в реалии жизни. Курсанты, придя на помощь, стали стягивать с курсанта оранжевый легководолазный костюм. И хотя Саша был в другом мире, его рука продолжала крепко держать страховочный конец, продолжая подавать сигнал тревоги, частыми и ритмичными подёргиваниями. Забрать, даже вырвать его из руки было не под силу собравшимся вокруг лежащего курсанта Кислицина, и возвращающегося из далекого темного тоннеля со светом в конце. Вместе с Александром был вне себя и инструктор. Вернувшегося к жизни Сашу, он в целях воспитательного процесса, покрыл таким сложным словесным оборотом речи, что запорожским казакам, писавшим письмо турецкому султану

было чему поучиться у мичмана. Затем, немного успокоившись, не теряя свой инструкторский подход к произошедшему, выпалил:

– Вот Вам, товарищи курсанты, наглядный пример признаков кислородного голодания и дай Бог никому из Вас, никогда в жизни, его не испытать, НИКОГДА! А такие, как К И С – Л И – Ц И – Н Ы, не дадут мне дослужить до пенсии! – и вытер вспотевший от напряжения лоб.

Первое Сашино погружение закончилось благополучно.

При разборе случившегося выяснилось, что Александр, скрывшись под воду, как ему показалось, стал с трудом дышать поступающим воздухом из баллонов аппарата. Он решил, что вентили подачи воздуха из баллонов открыты не полностью. Дабы исправить сложившуюся ситуацию, предполагая, что вентили открывает, полностью их закрыл.

Да!... Оказывается, тяжёл хлеб будущего офицера!

Курс молодого матроса близился к завершению.

Вот уже через пару дней произойдёт знаменательное событие – присяга первокурсников на верность Родине! В училище всегда это был торжественный и радостный праздник.

Курсантам разрешили пригласить родных, друзей и знакомых, так как, традиционно, день присяги был днем открытых дверей в училище.

К празднику готовились все, чья учеба, работа, служба и судьба были связаны с училищем.

Ребята-первокурсники за два месяца, пролетевших в про-

цессе познания азов военной науки на всевозможных занятиях и тренировках, поближе познакомились и подружались. В душе у каждого было чувство гордости за свою принадлежность к Военно-Морскому Флоту великой страны. Все ребята с нетерпением ждали, когда, наконец, оденут подогнанную по фигуре в училищной швейной мастерской красивую, новенькую курсантскую, военно-морскую форму с одной золотой нашивкой – галочкой на левом рукаве, обозначающей принадлежность к первому курсу, с курсантскими погонами с золотыми якорьками на них, и бескозырку с надписью СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ.

Во время перерыва на вечерних занятиях, проводившихся в кубрике (так курсанты ласково называли свое жилое помещение казармы), дежурный объявил:

– Курсанта Маличенко у южных ворот ждут родственники!

Валя стремглав бросился на выход. Он летел словно на крыльях, зная из писем, что на присягу обещала приехать его Нина.

По вечерам, как обычно, у КПП южных ворот собирались родные, близкие и знакомые севастопольских ребят, поджидая, когда дежуривший по КПП мичман вызовет будущего офицера. Они же передавали своему чаду сверток со всякой вкуснятиной, на радость всех однокашников.

Еще на бегу светящиеся от счастья глаза Валентина быст-

ро нашли улыбающееся милое, родное лицо. Дежурный по КПП мичман, а это был их старшина роты, мичман Караповский, назначенный командованием на период прохождения ребятами курса молодого матроса, разрешил Нине в виде исключения, пройти за КПП, на территорию училища, где на набережной стояли лавочки. А сам искоса стал наблюдать за происходящим.

– Привет! А вот и я! – взяв нежно за плечи, ласково целуя лицо, губы своей любимой, смущаясь любопытных глаз присутствующих, прошептал Валентин.

– Привет, мой морячок! Ой, как ты похудел, но возмужал! – робко произнесла Нина. Она вся светилась от счастья встречи. Прошло целых два месяца разлуки! Как это показалось много! Нина не могла оторвать свой взгляд от своего родного и любимого человека. Морская синяя роба, на нагрудном кармане – белая парусиновая нашивка с цифрами, обозначающими принадлежность курсанта к факультету, роте, классу, отутюженный гюйс, черный кожаный ремень с якорем на сверкающей бляхе, на голове синий берет и родные голубые глаза. Она была счастлива и рада за своего любимого, за то, что он добился исполнения своей давней мечты. Чувство гордости переполняло ее... но, она еще не знала, как тяжела судьба жены морского офицера, тем более подводника, как тяжело ждать и отправлять любимого человека на опасную мужскую работу, на долгие месяцы опасного подводного плавания в бушующий океан. И ждать, ждать,

ждать, моля Бога, чтобы ничего там не случилось ...

Впереди у них была вся жизнь, военно-морская, трудная, но красивая жизнь!

– Я сняла квартиру, здесь, недалеко, на Северной стороне, приехала на пару дней ... Меня отпустили с практики ... Дома все хорошо ... Мама передавала большой привет ... Валя слушал певучий родной голос, боясь выпустить ее теплые, нежные руки. Они говорили, говорили и украдкой целовались. Время пролетело быстро.

– Завтра присяга! ... Первое увольнение в город ... приходи к девяти... в училище праздник ... вход свободный ... извини!... Уже нужно бежать!.. – пролепетал, смущаясь, Валентин.

– Ну ладно, беги! Знаю! Служба! Чуть не забыла! Вот возьми! Мама передала твои любимые пирожки. Ну, беги! До завтра! – в ответ скороговоркой прошептала Нина. В её голосе почувствовалась тоскливая нотка.

Оба подумали: «Скорее бы это завтра!»

В воскресенье, в день присяги, выдался удивительно солнечный день. На верхнем плацу – площади перед главным учебным корпусом, в торжественном строю, блистая красотой парадной формы, золотом погон и кортиков, замерличный состав училища – офицеры, мичманы и курсанты. На трибуне среди почетных гостей командующий Черноморским флотом, всемирно известный академик Александров, рядом столпились гости – жители города, многие с букетами цветов. Настоящий, большой праздник!

В многочисленной праздничной толпе глазами Валя разыскал свою Нину. Она была в красивом, новом, светлом, воздушном платье – прекрасна, радостна и счастливая! Родные и близкие первокурсников, почти вплотную подступили к ним, стоящим в строю и готовым принять военную присягу...

Вот и принята присяга. Под звуки военного оркестра, под громкие аплодисменты гостей, взволнованные, но радостные и счастливые первокурсники прошли торжественным маршем. Ребятам – курсантов поздравляли, преподносили букеты осенних цветов, фотографировались с ними. Духовой оркестр продолжал играть.

Нина подошла к Валентину, стесняясь окружающих скромно поцеловала мужа, прижавшись прошептала:

– Поздравляю, родной!

В училище этот день был днём открытых дверей. Родителям, друзьям показали классы и аудитории, столовую, казарменные помещения, рассказали о курсантских буднях, об их повседневной жизни, насыщенной учёбой.

9. После принятия присяги первое увольнение в город. Первокурсники в новой курсантской форме, отглаженные, начищенные, улыбающиеся выстроились у своей казармы.

Командир курсантской роты, строгий, требовательный, капитан 3 ранга лично вручал увольнительные билеты и инструктировал каждого курсанта о правилах поведения в городе.

– Вы, товарищ курсант, как человек женатый, тем более к вам приехала жена, увольняетесь в виде исключения, до восьми ноль – ноль завтра, просьба не опаздывать! – подчеркнул он, вручая увольнительный билет Валентину.

Нина уже ждала возле знакомых южных ворот училища.

Радости встречи снова не было предела! Сколько ещё нужно сказать друг другу! Вместе до завтра! Вначале решили погулять по красавцу городу.

Стоя на корме рейсового катера и глядя на уплывающую пенящуюся морскую воду, прижимая к себе Нину, счастливый Валя подумал: «Какое счастье, я все-таки поступил! Я моряк! Курсант! Сбылась мечта!».

До позднего вечера гуляли по городу, ели мороженое, фотографировались у памятника затопленным кораблям. Ра-

дость и счастье переполняли их души...

Утро пришло быстро и незаметно. Наступило время расставания.

«Ох, как не хочется покидать это райское гнездышко», — обеих не покидала мысль.

Договорились о встрече на ноябрьские праздники. Нина обещала приехать. Быстро одеваясь, Валентин понимал, что за опоздание из первого увольнения он может получить строгое дисциплинарное взыскание. Расцеловав Нину и попрощавшись с ней, помчался в училище. Не теряя времени на ожидание городского автобуса, опасаясь опоздать, ринулся бегом по протоптанной курсантами тропе, преодолевая холмистую местность Северной стороны Севастополя. При входе в казарму глянул на часы. Стрелки показывали без пяти восемь. Успел!

– Курсант Маличенко из увольнения прибыл, замечаний в увольнении не имел! доложил запыхавшийся курсант дежурному по факультету.

Счастливый, под большим впечатлением проведенного времени с Ниной, он, как и все ребята, начал готовиться к первому учебному дню, к первым лекциям первого курсантского семестра.

Полетели дни, насыщенные учебой. Первокурсники с головой окунулись в учебный процесс – лекции, практические занятия, консультации, зачеты, самоподготовка. Дополнительная нагрузка – ежедневные строевые занятия-тренировки на нижнем плацу к военному параду в честь 7-го Ноября.

У Нины, в это время, после окончания производственной практики, началась подготовка к защите дипломной работы. Но оба выкраивали время написать друг другу письмо и с нетерпением ждали ответ, не говоря уже о предстоящей встрече.

Старшекурсники наставляли младших – самые трудные первые два курса, главное их преодолеть, потом будет легче.

На комсомольском собрании было выдвинуто предложение командира роты избрать своим вожаком – секретарем комсомольской организации роты Валентина Маличенко. Ребята поддержали предложение, как-никак, самый старший в коллективе...

Однажды вечером, во время самоподготовки, в класс, заглянул помощник дежурного по училищу.

– Курсанту Маличенко прибыть в рубку дежурного по училищу!

Валентин кинулся выполнять приказание, уже в пути, ду-

мая и волнуясь: «Почему вызвали в такое вечернее время. Не случилось ли чего дома ...»

Его сильно угнетала неясность причины вызова.

– Курсант Маличенко прибыл по Вашему приказанию! – доложил он дежурному по училищу.

Дежурный, капитан 1 ранга, выслушав доклад, снял телефонную трубку и доложил:

– Товарищ адмирал, курсант Маличенко прибыл! Направляю его к вам! Так! Есть! после паузы ответил в телефонную трубку – Вы, знаете, где кабинет начальника училища? Адмирал ждет вас! – и, обращаясь к своему помощнику, – Проведите курсанта в кабинет начальника училища!

Валентин, ступив на порог уже знакомого кабинета, здесь он был на судьбоносной мандатной комиссии, доложил сидящему за столом и что-то пишущему при свете настольной лампы адмиралу.

– Товарищ вице-адмирал, курсант Маличенко прибыл по вашему приказанию!

Начальник училища, сняв очки, пристально посмотрел в сторону курсанта.

– Гм! Так-так! Курсант Маличенко... – задумался, что-то припоминая.

У Валентина сильно-сильно, забилося сердце.

– Вот ты, какой сынок! Да – а!.. Молодец!.. На мое имя пришло благодарственное письмо от руководства завода, на котором ты до поступления в училище работал, и работал

видимо неплохо, и ещё денежный перевод – премия, премия тебе, товарищ курсант! – немного подождав, продолжил.

– Я принял решение – завтра начальник факультета зачитает письмо на общем построении личного состава факультета и вручит его вместе с денежным переводом. Думаю, ты не будешь возражать?

Валентин молчал, радость от услышанного убрала те беспокойные мысли...

– Прекрасно! – немного помолчав, добавил адмирал, – Молодец, сынок!... Иди!... Учись!

Валентин растерялся от такого неожиданного поворота событий. Прилив радости и душевного облегчения за своих домашних, за радостное известие не давали сразу сообразить, что ответить адмиралу, этому доброму человеку.

– Служу Советскому Союзу!... Спасибо!... Разрешите идти! – Выпалил он на одном дыхании.

– Да, да. ... Иди!... Иди сынок! – тихим голосом ответил адмирал.

На следующий день, на построении курсантов факультета было зачитано письмо заводчан. Под дружные аплодисменты начальник факультета вручил Валентину письмо и денежный перевод на 100 рублей. В то время это было целое состояние.

Валентину вспомнились родные заводчане, свой славный коллектив смены ...

Тогда, после окончания техникума, он получил направле-

ние на трубопрокатный завод. Распределили его в цех бесшовных труб бригадиром.

Трубы после протяжки поступали в их отдел цеха, для обрезки концов и проверки их ОТК (отделом технического контроля), затем передавались на склад готовой продукции. Мастер работающей смены по фамилии Томченко был родом из Белоруссии, он взял шефство над молодым специалистом, решил подготовить себе замену в будущем. Его называли рабочие и бригадиры ласково – Сысоич, по отчеству. Добрый был человек!

В то время, перед началом работы смены, в обязанности Сысоевича, было проведение планёрок с рабочими смены. Планёрка начиналась с политинформации. Сысоич проводил обзор центральной прессы, подводил итоги работы прошлой своей смены и ставил задачи на начинающуюся рабочую смену. В конце планёрки мастер выслушивал вопросы и замечания разного рода, давал пояснения. Человек он был юморной, весёлый.

– Сысоич! Можно вопрос? – тягучим голосом обратилась к мастеру подкрановая рабочая Маша. Она, также, очень дружила с юмором. Возраст её был под пятьдесят.

– Давай Маша, только в тему! – отреагировал Сысоич.

– Так вот, когда мы работаем в ночную смену, мы – девчонки ходим в ваш мужской туалет. В наш женский идти не охота, нужно выходить из цеха, вход какие-то умники, сделали на улице ... Выходить нам на холодный ночной воздух

уж очень не охота. Так вот ... вопрос нас мучает: Что это у вас в туалете, на стене за такие маленькие белые раковины висят?

– Ох, и Маша! Решила народ насмешить?! Это писсуары! Специальные мужские раковины, – стараясь не улыбаться, начал ответ Сысоич, – мы, мужики после того, как сходим по маленькому, в них моем своё «хозяйство». Поняла, Маша!?

– Прав-да-а-а!? – вскочила с места Маша, и смеясь выпалила, – А мы из них ... ха-ха- ха ... воду пьём!

Все присутствовавшие полегли от смеха. Надо же такое придумать! Рабочий юмор! Да! Хорошие были заводчане, добрые, весёлые люди!

«Когда буду в своём первом отпуске, обязательно схожу на завод, так хочется повидаться со своим заводским коллективом – со своей сменой ...» – решил Валентин.

Дни учёбы шли своим чередом. Осень вступала в свои права. Подошли долгожданные Ноябрьские праздники.

Нина приехала, как и было обещано. Остановилась на квартире, на Северной стороне Севастополя, у той же хозяйки, поблизости кинотеатра «Моряк». Накануне праздника, бго вечером, приехав на рейсовом автобусе, ждала Валентина в условленном месте – у фонтана – архитектурного сооружения перед восточными воротами жилого городка курсантов.

Впоследствии оказалось, что этот фонтан использовался не только по своему прямому назначению, а и для соблюдения одной из традиций, прижившейся в курсантской среде. Суть вот в чём: «когда кто-либо из курсантов – «голландёров» женился и свадебный кортеж автомобилей с включёнными клаксонами останавливался у фонтана. Вновь испечённый муж с молодой женой, сопровождающими их лицами, бережно опускали в воду фонтана спиртное – бутылку водки, вина или шампанского, что душа приказывала, после этого действия под звуки автомобильных сигналов убывала на своё праздничное застолье. Услышав свадебные сигналы, дождавшись убытия молодых, из ворот вылетала толпа, обычно, это были однокашники, и слёту прыгала, прямо в одежде, в чашу фонтана. Счастливицам доставалось

спиртное – приз, с которым они убегали от любопытных глаз зевак, также прибежавших поглядеть на происходящее и дежурного офицера по училищу, старавшегося их перехватить, который на звуки клаксонов кортежа непременно спешил предотвратить предстоящую передачу спиртного «непьющим алкоголь» курсантам. Затем, уже в укромном месте спального городка, добыча по справедливости делилась с друзьями»...

Перед предстоящим увольнением курсантов в город, командир роты, прибыв в курсантскую казарму, вызвал Валентина в свой кабинет.

– Командование училища разрешило «севастопольцев» уволить с ночёвкой. Старшина роты мне доложил, что к Вам приехала жена. Это так?

– Так точно! Уже ждёт у фонтана!

– Хорошо! Готовьтесь к увольнению в город! Идите!

– Есть! – отдав честь, чётко, ответил Валентин и развернувшись по уставу, быстрым шагом поспешил в баталерку одевать свою отутюженную курсантскую форму.

Мысли были о Нине, о предстоящей встрече:

«Скорее бы увидеться, крепко обнять ... неужели не разрешат увольнение до утра ... командир сказал, что только «севастопольцам»...», – не покидали его мысли.

Дневальный по роте громко объявил:

– Увольняемым в город приготовиться к построению у входа в казарму! Форма одежды № 4 – бушлат, бескозырка!

Командир роты внимательно осматривал своих питомцев, вручая каждому увольнительный билет, напоминал о правилах поведения в городе, подошёл и к Валентину, стоящему в строю увольняемых. Сердце курсанта забилося. Вручая ему увольнительный билет, командир официальным тоном обратился:

– Курсант Маличенко, Вы увольняетесь до 8 утра послезавтра. Прошу из увольнения не опаздывать!

Валентин ощутил такой прилив счастья и радости, что готов был тут же обнять строгого командира.

После команды «Разойдись!», Валентин рванул к заветному фонтану. Там была Нина, его половинка, любимый человек. Он летел на крыльях любви, не чувствуя почвы под ногами. Не обращая внимания на стоящего у ворот вахтенного курсанта. Он обнял Нину, осыпая поцелуями. Взявшись за руки, они побежали к остановке автобуса ...

Ночь, по праву, принадлежала только им – влюбленным и безмерно счастливым.

На следующий день, как и в прошлый раз, они счастливые и влюблённые снова гуляли по праздничному красавцу Севастополю. Валентину очень хотелось познакомить Нину с легендарным, историческим прошлым города, показать те места, где он уже успел побывать с ребятами на экскурсиях. Это и знаменитая панорама «Обороны Севастополя 1854–1855 г.г.», и Малахов курган, и Сапун-гора, и Древний Херсонес ...

Быстро пролетело время увольнения, как было хорошо обоим в эти дни, но опять предстояла разлука, будни учебы, будни курсантской жизни.

Ротная сушилка стала любимым местом отдыха, где курсанты проводили минуты свободного времени перед отбоем. Горьковчанин Володя Гузнов – виртуоз гитарной игры, сопровождал «сводному хору» любителей попеть свои, привезенные с гражданки песни московских, ленинградских, горьковских дворов. Саша Мосолов, прибывший в училище из Лосино-Петровского – небольшого городка близ столицы, также демонстрировал свои незаурядные способности в умении лихо играть на гитаре. Здесь же и родилась нештатная ротная песня о родном училище «Ваше благородие, госпожа система, с белыми колоннами...».

Ребята привыкали друг к другу и их отношения перерастали в настоящие, дружеские.

Приближался новый 1972 год, а вместе с ним и первая учебная сессия.

Вспоминалась встреча уходящего, 1971 года, которую с Ниной отмечали в незнакомой, но веселой компании Валиного друга.

Валентин с грустью ожидал приближение новогоднего вечера. Ребятам – севастопольцев отпускают встретить Новый год домой, в кругу семьи, а иногородним предстояло довольствоваться встречей любимого праздника в стенах училища. Успокаивало лишь то, что впереди первый, зимний отпуск.

Когда курсанты, после занятий, проводившейся в нижнем городке училища, на кафедре «морпеха», шли строем, направляясь к главному трапу – широкой каменной лестницы, ведущей вверх, к главному учебному корпусу, вахтенный у восточных ворот спросил у старшины:

– Двести первая рота? Так! А курсант Маличенко в строю? Его ждут родственники, вон стоят, справа от фонтана.

Валя не поверил своим глазам. Нина! А рядом стоял ее отец – Тимофей Кузьмич, противник их свадьбы, в прошлом бывший армейский старшина, отдавший юные годы службе в армии в военное и ещё несколько лет, в послевоенное время. Вспомнилось, когда Нина сообщила родителям о подаче заявления с Валентином в ЗАГС и предстоящей их свадьбе, он тогда отреагировал:

– Какая свадьба! Он ведь не служил в армии! Я против свадьбы!

Когда подошло время росписи в ЗАГСе, Тимофей Кузьмич, будущий тесть, отпустив свою жену Полину Ивановну на родину Валентина, где разворачивались основные свадебные события, сам остался дома, таким образом, выразил своего рода протест. Но, куда денешься от намечавшегося бракосочетания! Свадьба состоялась! А спустя несколько дней, молодожены пожаловали на родину Нины. Тимофей Кузьмич, оказавшись перед свершившимся фактом, продублировал свадебное застолье, созвав всех друзей и знакомых, и в

радости, громче всех кричал: «Горько!» ...

Валентин, спросив разрешение выйти на секунду из строя, и, получив приказание потом догнать сослуживцев на трапе, подбежал к ожидавшим. Обняв и поцеловав Нину, по-дошел к тестю. Тимофей Кузьмич крепко загрёб в свои объ-ятия зятя, похлопывая его по спине. Он не мог оторвать глаз от зятя, молодого военного человека в морской форме, за короткое время похудевшего, возмужавшего, подтянутого и молодцеватого. На свою сентиментальность и нахлынувшие чувства Тимофей Кузьмич не обращал никакого внимания. Скупая мужская слеза – слеза счастья и гордости выступила на его глазах.

– Извините! Я только на пару секунд! У меня сегодня за-нятия до 15.00. Вечером попрошусь в увольнение. До встре-чи! – быстро выпалил Валентин и кинулся догонять уходя-щую свою роту вверх по центральному трапу.

Вечером, 31 декабря, Нина ждала мужа у южных ворот. Курсанты гурьбой высыпали за ворота училища, торопясь на подходящий к пирсу рейсовый катер. Валентин, отделившись от основной толпы, подбежал к стоящей в сторонке Нине, и легонько обняв её, поцеловал в щечку. Прижавшись к ней, прошептал:

– Нинуша, родная моя! Вы меня осчастливили, таким приятным и неожиданным новогодним сюрпризом. Меня отпустили до утра! Новый год будем встречать вместе! – сделав паузу, глядя в родные глаза, спросил, – А где отец?

– Ой! Привет! Ты знаешь, он выбил нам и себе номера в центральной гостинице «Севастополь», которая на Приморском бульваре. Едем! Он уже заждался нас!

Валентин, от радости, готов был подхватить свою Нину, и кружить, кружить её на руках.

– Скорее на катер, успеем! – крикнули одновременно и взявшись за руки, бросились к готовому отойти от пирса, уже давшему сигнал сирены катеру. Несколько курсантских рук подхватили их.

«Ох! Успели!» – подумали, улыбаясь оба.

В номере, предназначавшемся молодожёнам, Тимофей Кузьмич, поджидая своих детей, накрыл стол и был уже немного навеселе. Оказалось, что в его 2-х местном номере

сосед – «рубаха мужик», с которым он успел подружиться и в честь их знакомства, и наступающего Нового года, предложил совместно «приговорить» бутылочку знатного армянского коньячка.

Праздничное застолье, рассказы, ответы на вопросы, продолжились далеко за полночь. Отец ушел в свой номер продолжать отмечать со своим соседом встречу Нового года. Оставшись вдвоем, Нина тихо, робко, глядя в глаза Валентину, прошептала:

– А я... а я... в положении!

– Правда?! Родная ты моя! – Валентин, крепко прижав к себе свою Нину, стал осыпать её поцелуями и возбужденно шептать:

– Люблю! Люблю!.. Это самый лучший подарок к Новому году в моей жизни!..

– Я уже посчитала, рожать буду в конце лета или в начале сентября, – шептала в ответ Нина, – диплом защищаю в июне, и после защиты перееду к твоей маме, мы с ней подружались, и она уже знает нашу тайну, очень рада за нас ...

14. Накануне первой зимней сессии, командир роты объявил перед строем курсантов:

– Товарищи курсанты, командование факультета вышло с предложением перед командованием училища о досрочной сдаче курсантами экзаменов. Получено «Добро!» – можно досрочно сдавать экзамены! Те, кто сдаст досрочно сессию с отличными оценками, может рассчитывать на досрочное

убытие в свой первый курсантский отпуск ...

Первая сессия сдана досрочно, в зачетке у курсанта Маличенко появились первые пятерки. К первому плановому курсантскому отпуску за счет досрочной сдачи экзаменов прибавилась еще неделька – целых семь дней!

Командир роты, вручая проездные документы, отпускной билет, проинструктировал и напомнил день прибытия в училище. Впереди ждали встречи с Ниной, с мамой, с ребятами, с заводчанами, также поездка к Нининым родителям и много других радостных событий...

Вокзал. ...

Валентин стоял внутри вагона, у окна. Заиграл марш «Прощание славянки». Поезд тронулся. Валентину вспомнилось лето, оркестр, встречающий поезд, рейсовый катер «Инкерман – Графская»... Ребята-земляки, ехавшие с ним поступать в училище. Вспомнились строки из письма Нины: «Когда мы уезжали с отцом после новогодней встречи, он, молча, стоял в коридоре у окна вагона поезда. Раздались звуки оркестра, провожая отходящий поезд, грянул марш «Прощание славянки». У отца по щекам текли слёзы, которые наш старик не смог сдержать от нахлынувшего чувства гордости и счастья за своего зятя, за тебя, за твою принадлежность к славному военно-морскому флоту и легендарному городу-герою Севастополю...»

Скоро встреча с родными. ... Впереди три недели первых каникул. ...

Первый отпуск – самый запоминающийся...

Валентин, стоял в вестибюле техникума, ожидал Нину. Мимо, искоса поглядывая на морячка с золотыми якорями на погонах, проплывали группками девчонки – студентки. Да и ребята, тоже пристально всматриваясь в курсанта, с интересом разглядывали морскую форму, красиво, подогнано сидевшую на незнакомом парне. А он, наполненный чувством гордости и достоинства, скромно стоял у окна.

Вскоре подбежала Нина. Отдала ему свою сумку и бросилась в раздевалку за своим пальто. Одевая, на ходу, пальто, и взяв под руку своего морячка, повела его к себе в общежитие. На проходной их встретила строгая и давно знакомая Валентину вахтерша, увидев его в военно – морской форме, всплеснула руками, охая и ахая, осыпая комплиментами будущего морского офицера, и тут же неожиданно, безоговорочно пропустила счастливую пару внутрь общежития. Не то, что полгода – год тому назад, тогда постоянно, давая бывшему студенту техникума от ворот поворот, и причитала:

– Посторонним вход воспрещен! Ждите, вызовут вашу девушку! И не упрашивай Маличенко, не пушу! Не положено!

Программа, намеченная на отпуск, выполнена.

Курсанты первокурсники с массой впечатлений возвращались в стены альма-матер. Оказалось, что не все успешно преодолели испытания первой сессии.

Странный курсант Петренков отказался вообще от сдачи экзаменов, хотя в казарму ежедневно вечером, тащил с собой с кафедр массу наглядных таблиц и плакатов, демонстрируя этим свое рвение к учебе. А сам, после освобождения сушилки от курсантских вечерних посиделок, построив из баночек (табуреток) лежак, устраивался на ночлег, укрывшись теми же плакатами. Были у него и другие странности – ложился спать в носках или в натянутой на голову шапке. Странности Петренкова дошли и до командира роты, он вынужден был отправить его на медицинское обследование. Оказалось, что у Петренкова «не все дома». Врачебной комиссией флота Петренко был признан негодным к военной службе. Ребята удивлялись, как он смог преодолеть трудные вступительные экзамены, медкомиссии?!

В сопровождении мичмана уже бывший курсант Петренков был доставлен в родной город, в местную психиатрическую больницу. Главный врач при приёме больного произнёс удивительную фразу:

– О, Петренков! А где это вы пропадали целых полгода!

Обидно было то, что некий Петренков занял место нормального парня, который хотел, но не смог поступить в училище ...

Курсантская жизнь продолжалась! Проходила она не скучно, с массой анекдотических случаев и приколов.

С приближением лета и приходом тепла, ребята подставляли свои тела ласковому солнышку. Территория училища позволяла курсантам в свободное время уединиться, распластавшись на мягкой, сочной травке.

Однажды, утро началось громким дружным хохотом. Некто подшутил над медлительным Сашкой Кислицыным. В умывальнике Саша, открыв мыльницу, не глядя, вынул вместо мыла... ЖАБУ! Бедное земноводное! Оно от Сашиного крика чуть не получило разрыв сердца.

– Кто? Кто?.. Идиоты!!! – не успокаивался Кислицын. Так и ушел на завтрак, забыв умыться.

У ребят, как и в любом мальчишеском коллективе, стали появляться прозвища, т. е. новые имена. Видимо, так было проще общаться в своей среде. Придумывались они спонтанно и без обид. Например: Кислицын – Китаец, ведь похоже – Кис-ли-цын, (да, у Кислицина было несколько прозвищ, он же – Лёлик, Доцент), Демьяненко – Дёма, Харченко_ ХИК (Харченко Игорь Константинович, сокращённо по инициалам), Котик – Кот, Завгородний – Зав, Имаев – Имай, Кауфман – Мэн (созвучно с окончанием фамилии), Мосолов – Мося, Мирошниченко – Мирон, Бобров – Боб, Макаров –

Макар.

Как то, на очередном занятии на кафедре тактики морской пехоты, курсанты отрабатывали взаимодействие командира взвода с командиром роты. Преподаватель кафедры – полковник Лебедев привёл пример, как нужно по рации связаться офицерам друг с другом.

– Позывной командира роты «Сокол», а командиров взводов «Сокол-1», «Сокол-2» и т. д. Например: я – командир взвода и связываюсь с командиром роты: «Сокол! Я Сокол – 1, приём!»

И, тут же, подымает курсанта и даёт команду:

– Товарищ курсант, Вы командир взвода, свяжитесь с командиром роты по рации и доложите о выполнении приказа командира роты!

– Есть! – ответил курсант и стал по рации вызывать командира роты:

– Сокол! Сокол! Я, Конь! (этот «конь» пришёл в его буйную голову вместо позывного «Сокол – 1», не понятно, откуда и почему...). Весь класс курсантов рассмеялся, а прозвище «Конь» так и прилипло к курсанту ...

Прозвища получили и некоторые преподаватели училища, и офицеры – командиры: Собакевич, Кант, Лопата, Шерхан, Чика, Лёня, Вася, Лука, Гриша ...

Письма из дома приходили практически ежедневно – тёплые, ласковые, желанные. Валентин писал в ответ о своих делах, успехах. Он и Нина понимали, что его учеба является

их главной задачей.

Наступила летняя сессия. И она тоже была сдана досрочно. К месячному отпуску добавилась еще неделька. Нина, защитив диплом, жила у мамы Валентина и вот-вот должна была стать тоже мамой.

Летний отпуск Валя проводил дома, был рядом с Ниной и своей мамой, помогая им в домашних делах, поддерживая свою Нину, и моля Бога, чтобы до его отъезда на учёбу свершилось рождение желанного ребенка. В одно утро Нина почувствовала приближение родов и срочно была определена в местный роддом. Благо он был недалеко от дома.

Будущий папа всё свободное время стал проводить под окнами родильного дома, где, кстати, в своё время родился и сам.

Высшие силы, которым мы, несомненно, подвластны, пошли навстречу и, к концу отпуска, Нина благополучно родила девочку, крохотную, и очень красивую, самую красивую на всём свете.

Имя маленькой голубоглазой дочурке, придуманное Валентином и мамой, было предложено Нине, и она согласилась назвать крошку Викой – Викторией.

Местный военком, на свой страх и риск, пойдя навстречу просьбе курсанта, ставшего отцом, продлил на несколько суток отпуск Валентину. Благодаря этому ему удалось лично

забрать Нину с дочкой из роддома и побыть рядом с семьёй ещё пару счастливых дней дома. Валентин боготворил своих девочек – Нину и крохотную дочурку. С гордым, солидным видом катал он детскую коляску по улицам родного города.

В училище из отпуска Валентин успел прибыть до отправки своей роты на практику в полк морской пехоты Черноморского флота, в бухту Казачью. Своей новостью – рождением дочери он сразу же поделился с друзьями.

Началась практика в боевом полку морпеха. Ребята на себе испытали тяготы и физически напряженную службу морских пехотинцев. Находиться рядом с ними было приятно и почётно. Уважение к представителям этого рода сил военно-морского флота сохранилось со времен Великой Отечественной войны. Не случайно фашисты окрестили морских пехотинцев «черная смерть», а сейчас, находясь рядом с ними, у ребят ещё крепче закрепились уважительные отношения к этим лихим парням.

За время пребывания в полку морской пехоты, курсанты освоили различные виды стрелкового оружия, тактику современного боя, прошли солидную физическую и психологическую подготовку.

Незаметно курсантская месячная практика в полку морской пехоты подошла к завершению.

Вернувшись в стены училища, ребята стали преодолевать, как оказалось, один из нелёгких – второй курс учёбы, прозванном в курсантской среде «без вины виноватые».

Как – то после окончания занятий, в один из осенних

дней, курсанты загадочно улыбаясь Валентину, собравшись в сушилке, задумали нечто.

Саша Мосолов, Боря Роскошный, Лёша Марков, Витя Черноличенко, Володя Макаров, Валера Игнатов, Слава Гнездилов, Жора Заднепренко, Игорёк Харченко, Серега Пустогвар, Серёжа Мирошниченко, Володя Кауфман – примерно человек пятнадцать, неожиданно высыпав в коридор, прямо у столика дневального, окружив молодого папашу, подхватили Валентина на руки. Заговорщики, прихватив с собой обрезы (тазики) для создания шумового эффекта, ударяя в их днища, а Вовка Гузнов любимую гитару, с криками, улюлюканьем, с невероятным шумом, быстро понесли вновь испеченного папу к ближайшему пирсу в районе шлюпочной базы училища...

Из множества распахнутых окон курсантских пятиэтажных казарм, в поддержку шумного кортежа, «голландёры» всего училища, проявляя солидарность, свистя и поддерживая таким же шумом, извлекаемых от барабанных ударов в такие же обрезы, кричали: «Бракодел!.. Бракодел!» Акватория бухты Голландия, заполненная дружно ликующими воплями, напоминала огромный стадион в момент взятия ворот.

В это время, услышав грандиозный шум, наперерез движущемуся шумному кортежу, словно коршун, летел, практически не касаясь земли, дежурный по училищу, случайно оказавшись на жилой территории курсантов. Задача, которую он поставил себе – предотвратить, на его взгляд, фор-

менное безобразие. Заметив надвигающую угрозу, не роняя, бережно, но быстро, курсанты донесли жертву до кромки пирса. И на счет «три!», в одежде и тапочках, словно наполненный мусором «дуковский мешок» (полиэтиленовый мешок для утилизации мусора с подводной лодки), резким мощным броском, предали тело уже прохладной морской пучине.

Далее, ребята кинулись, в рассыпную, завершив церемонию морского крещения, убегая от грозного дежурного-блюстителя порядка, не по годам шустрого капитана 1 ранга.

Валентин, вынырнув на поверхность, первым делом выловил плавающие казенные казарменные тапочки без задников, прозванные курсантами «ни шагу назад!», и с трудом выбравшись на пирс, неожиданно для себя, предстал перед старшим офицером с повязкой «рцы» на рукаве. Дежурный офицер медленно шел ему навстречу, уже смирившись с тем, что поймать затейников морского купания не получилось. И вдруг, вот она, жертва мокрое подобие курсанта, сама шла ему в руки. Валентин действительно двинулся прямо на дежурного, так как другого пути с пирса не было, но, когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров, рванул в сторону, и, петляя, как заяц между деревьями аллеи спортивного городка, достиг двери родной казармы. На ходу, уничтожая компромат – сбрасывая с себя мокрую одежду, которую подхватили друзья, быстро нашел убежище, закрывшись в кабинке галюна(туалета).

Давняя курсантская традиция предавать морскому крещению молодых отцов в семьях которых рождались девчонки, так называемых «бракоделов», крепко прижилась в курсантской семье и в любое время года, при любой погоде соблюдалась неукоснительно. Чему быть, того не миновать!

Наш «отец» – командир роты, мимо которого любое мероприятие, задуманное курсантами, не могло пройти незамеченным, произвел очередную экзекуцию – наказал активных участников осеннего купания «бракодела» двумя неделями без берега, и досталось дежурному по курсантской роте Андрюше Северинчику.

Наказание ребятами было принято с улыбками. Главный вопрос решен – купание виновника рождения девочки достойно исполнено. Значит, долго жить старым курсантским традициям! Никакой обиды, наоборот, в сердце Валентина на долгие годы сохранится чувство уважения, особенно, к своим друзьям – однокашникам и ко всем курсантам училища, за то, как молодому, состоявшемуся отцу, оказали такое большое внимание и уважение.

Весной, на втором курсе, Нина переехала в Севастополь. Нашла жильё, сняв крохотную комнатку на Бартеньевке, в частном секторе Северной стороны города. Её, как молодого специалиста, приняли на работу на Севастопольский приборостроительный завод на должность мастера. Маленькую Вику определила в детский сад. У Валентина появился стимул учиться без «хвостов», вовремя сдавать зачеты и не пропускать увольнительные дни.

Командованием училища уделялось большое внимание качественной учебе своих питомцев. Курсантам, не сдавшим очередной зачет, или, не защитившим лабораторную работу, не прошедшим собеседование, грозило «неувольнение», организовывались, для так называемых должников, дополнительные занятия в выходные дни.

Как-то в училище прибыл с проверкой сам Министр Обороны Маршал Советского Союза Гречко. Его визит запомнился курсантам анекдотической ситуацией. Во время строевого смотра, обходя ряды построенных к опросу жалоб и заявлений курсантов, он подошёл с сопровождающей его свитой к однокурсникам Валентина – курсантам первого факультета и по-отечески, обращаясь к одному из ребят, задал неожиданный вопрос:

– Каждый рядовой хочет стать маршалом! Вот вы, това-

рищ курсант, хотели бы иметь такие погоны как у меня?!

Курсант, сделав небольшую паузу, выдал маршалу:

– Нет! Товарищ маршал Советского Союза! Я бы хотел иметь Вашу зарплату!

Маршал Гречко от души рассмеялся, его смех поддержала и его солидная свита, а затем крепко пожал руку находчивому смелому молодому парню, повторяя:

– Молодец ... ну и молодец ... рассмешил ...

Очередной летний отпуск Валентин проводил в Севастополе. Ему очень нравилось заботиться о своей маленькой Вике. Нина утром убегала на работу, а он, покормив малышку, с детской коляской, уходил к морю. Сколько было радости, когда на пляже, крохотное родное существо сделало первые шажки.

Бытовые трудности закаляли молодую семью, жили, в основном, на зарплату Нины, а крохи, которые выплачивались Валентину в училище, тоже приносились домой, но денег катастрофически не хватало. Экономили на всем, стараясь не ущемить ни в чем дочурку. Часто, по воскресеньям, сэкономив в течение прошедшей недели немного средств, все вместе выбирались в центр города. Обязательным было посещение кафе «Мороженое». Прогуливались втроем по Приморскому, Историческому бульвару. Неоднократно бывали на Сапун-горе, на Малаховом кургане, в Херсонесе. Наслаждались красотой полюбившегося города, любовались историческими местами, и конечно, бирюзовым, синим морем.

Курсантами была досконально изучена огромная территория училища.

До четвертого курса передвижение по территории училища осуществлялось только в строю, хождение одиночек пресекалось дежурной службой и таковые наказывались. Поэтому, для обхода всякого рода контролирующих лиц, была натоптана масса троп и тропинок. Особенно не допускалось прибытие курсантов на камбуз (столовую) в одиночном порядке, вне строя. Дежурный по училищу, занимавший на входе своё постоянное, штатное место, созерцал подход строевым шагом курсантских подразделений.

– Рота – а, стой! Товарищ капитан 1 ранга, прошу разрешения заводить роту в столовую! – раздавались голоса старшин рот.

– Заводите! – козырнув, важно, с пафосом, разрешал дежурный.

– Справа, по одному, в столовую, бегом, марш! – радовала ребят команда старшины.

Курсанты бегом кидались к своим столам. Аппетит всегда был отменным – «зверским»! Сколько не ставилось на стол еды, ничего съестного на столе не оставалось, съедалось всё.

Последняя пара занятий проводилась после обеда. Ох, как тяжело было бороться со сном на полный желудок. Доходило

до казусно – смешных ситуаций, когда, подперев рукой голову, направив лицо, с видом прилежно и внимательно слушающего лекцию курсанта, поголовно спала вся аудитория. Зато во время перерыва в коридорах шума было предостаточно, дурачились от души! Играли в «угадалки» – вставали в круг, в центр которого обычно попадал Боря Роскошный (Боб), рослый гигант из Таганрога. Курсант, подкравшись сзади, с силой хлопал Боба по плечу и быстро ставал на своё место в круг, а тот угадывал, кто это сделал. Заканчивалась игра, обычно, борьбой – сзади прыгали на мощного Бориса, пытаясь его свалить с ног. Он разбрасывал нападавших однокашников в разные стороны, а те снова и снова садились. Увидев, что Борис не сдаётся, Вовка Ердяков влетает в класс, где за столом над конспектом склонилась худенькая Нина Ивановна Королёва – преподаватель высшей математики. Влетев в класс, Вовка, не заметив интеллигентную, хрупкую Нину Ивановну и, обращаясь к курсантам, оставшимся на перерыве в аудитории, заорал:

– Пацаны, там наших пи ...ят! – последовало очень неприличное слово, случайно вырвавшееся у Володи.

О господи! Слово не воробей! И он, с перепуга, прикрывая рукой еще не закрывшийся рот, согнувшись от стыда, выпорхнул в коридор. Нина Ивановна, подняв голову и глядя через большие очки, произнесла:

– Что? Кого-то бьют?!..

Ребята, позабыв про борьбу с Борей, смущаясь, дружно

засмеялись ...

Да, ситуация!..

Кстати, Нина Ивановна Королёва, прекрасная женщина, очень хороший человек, всем сердцем любила курсантов как своих детей и не жалея личного времени, оставалась на работе до позднего времени, учила их точной науке, разъясняя каждому пройденную тему.

А как-то, в конце третьего семестра, в канун Нового года, на училище обрушилась эпидемия гриппа, курсанты падали с ног от высокой температуры. Вторая казарма была превращена в лазарет. Врачи, уколы, стоны, койки в два яруса. Мужественная Нина Ивановна Королёва, в марлевой маске консультирует заболевших гриппом, в Ленинской комнате лазарета, курсантов – своих подопечных до позднего вечера в преддверии сессии и предстоящего экзамена по высшей математике ...

Чистка картошки. Это был особый наряд на первом и втором курсах. Класс в полном составе заступал на суточное дежурство по камбузу. Начиналось оно вечером. Сбросившись по рублю, ребята готовилась к ночным посиделкам. Игорёк Бобров, местный коренной житель посёлка Голландия, махнув через забор, окольными тропами, подальше от глаз начальников, выводил к местному магазину «Продтовары» небольшую группу, в состав которой, обычно, входили Саша Мосолов, Володя Гузнов, Игорь Харченко, Боря Раскошный. Где-то ближе к полуночи, после окончания чистки целой горы картошки на весь огромный курсантский коллектив училища, а то и далеко за полночь, на огромном «протвине» жарился с луком картофель, это блюдо считалось курсантским деликатесом. Накрывался ребятами стол в одном из подсобных помещений камбуза. Под гитару звучали песни, тихими, дабы не быть услышанными дежурной службой училища, голосами. Опрокинув кружку-другую, крымского вина, принесенного накануне дежурства группой добытчиков под руководством Игорька, ребята веселились, травили анекдоты, уплетая за обе щеки вкуснейшую жареную картошку – мечту гурмана!

В эту ночь у камбузного наряда был настоящий праздник живота!

Курсанты в своих выдумках и изобретательности были на высоте.

Тот же Саша Кислицын у ребят пользовался особым авторитетом и вниманием. Один из немногих среди своих одноклассников он был инженерного склада ума, и первый стал посещать НОК (Научная Организация Курсантов). НОК объединяла ребят влюблённых в технику, электронику. Курсант Кислицын, в свободное время от занятий, часами находился в электротехнической лаборатории, что – то конструировал и изобретал. Его хобби с массой траты времени не влияло на его успеваемость с отрицательной стороны, а наоборот, учился Саша довольно хорошо. В своих курсантских кругах его нарекли «доцентом», и это прозвище крепко приклеилось к Александру, а он в свою очередь, привык к новому своему «имени» и откликался на него без всяких обид.

Одним из первых плодов его творчества был собственноручно собранный кассетный магнитофон. Особенностью, было то, что Сашка сам сконструировал кинематику к нему, и естественно, собрал действующий магнитофон своими руками. Впоследствии, дежуря классом на камбузе училища, ребята под музыку и песни Сашиного магнитофона чистили картошку, дав отдохнуть своим гитаристам, делая своеобразные антракты в их виртуозной игре.

Обычно люди, которые увлечены науками, изобретательностью, своеобразны по характеру и поступкам. Именно Саша Кислицын относился к ним. Он был задумчив, медлителен, спокоен. Может поэтому он и был объектом приколов и шуток у однокашников. Организаторами шуток – приколов обычно были одни и те же.

Однажды, после возвращения из вечернего увольнения, ночью, посидев, покурив в сушилке, однокашники: Игорь Бобров, Лёша Марков, Борька Роскошный, Саша Мосолов, Вова Гузнов, Вовка Макаров, Володя Кауфман решили подшутить над «доцентом». В это время Саша, обнимая подушку, уже крепко спал.

Обговорив все нюансы, ребята, обступив кровать, на которой мирно спал Сашка Кислицын, тихонько взяв её на руки, понесли из помещения казармы на улицу, на свежий воздух, благо жили на первом этаже. Кровать несли бережно, словно в ней находился младенец. Вначале решили оставить её напротив входа в казарму, на прилегающем тротуаре, под пышными чинарами.

Здесь её быстро обнаружит дежурная служба! – не согласился Игорь, – давайте унесём «доцента» подальше от глаз!

Так и сделали. Аккуратно, снесли кровать со спящим «доцентом» по трупу, ведущему вдоль барельефа Ленина, на нижний плац. Осторожно поставили курсантское ложе слева, возле трибуны.

– Отлично! – тихим голосом подвёл итог сделанного

Игорь Бобров, протирая от проделанной шутки, руки, тихо удаляясь в своё казарменное помещение вместе с компанией «шутников», – здесь, на свежем морском воздухе он будет дрыхнуть до подъёма!

– Эх, посмотреть бы, как произойдёт пробуждения «доцента»? – добавил Сашка Мосолов.

Утром, после подъёма, ребята попросили старшину роты провести зарядку не у здания казармы, а на нижнем плацу. Курсанты, выбежав на утреннюю зарядку, во время пробежки, переглядываясь друг с другом, не скрывали своего желания быстрее добежать до нижнего плаца. Спускаясь бегом по трапу вдоль барельефа, головы их были повёрнуты в сторону одиноко стоящей железной, одноярусной койки, со спинками, раскрашенными под берёзу, подтверждающей факт принадлежности спального места, именно их казарменному помещению. Такие койки были только у них – у курсантов 2-го курса электротехнического факультета училища, подарок командования факультета их «Отличной роты».

От общего гогота и шума проснувшийся Сашка сел на кровать, свесив ноги, растирая руками глаза, не понимая и не соображая, где он и что это с ним произошло.

Дабы не сорвать физзарядку, старшина приказал встать босоногому курсанту Кислицыну в развёрнутый строй роты. Упражнения выполнялись с общим задором и смехом. Саша, делая зарядку, всё думал – «Ложился спать в казарме, а проснулся на плацу у шлюпочной базы», и не мог понять,

как же это произошло ...

Кровать, одиноко стоящая на плацу, вызывала смех.

– Ну – у, га – ды! Я вам этого не прощу! – бормотал он под счёт старшины роты «Раз! Два! Три!...». В казарму курсанты возвращались, как обычно, строем, только сейчас внутри которого неслась кровать Кислицына, перекочевавшая «по щучьему велению» из спального помещения на территорию плаца.

Выдумкам курсантов и различного рода весёлым случаям не было конца.

Стоял весенний солнечный день, форма одежды в училище была объявлена – «№ 4», то есть бушлат, бескозырка.

Ростовчанин, курсант Володя Попов женился на втором курсе. Он гордился своей знаменитой фамилией и тем, что является уроженцем города, о котором знали все, как о городе, породившем о себе молву разного толка. И если в народе говорили, что Одесса- мама, то его Ростов – на Дону был папа!

Как влюблённому молодому человеку, ему, молодожёну, одного – двух увольнений в город на протяжении недели, а именно – в субботу и воскресенье, согласно действующего положения для второкурсников училища, было, отнюдь, недостаточно.

Курсант Вовка Попов, выкроив время, после лекционных занятий, беря пример со своих старшекурсников- «самоходчиков», принял решение двинуть к своей молодой жене са-

мовольно, без необходимого разрешения, т. е. без увольнительного билета. Накануне, разведав, что в огромном металлическом заборе, надёжно окружающим территорию учебного корпуса, проделан лаз неизвестными курсантами, видимо такими же влюблёнными, любителями уйти в город без увольнительного билета.

Тропа, ведущая от «полосы препятствия», на которой курсанты во время уроков по физподготовке тренировали свою сноровку и сдавали зачёты, была хорошо протоптана и вела вниз к лазу в металлическом заборе, ведущему во внешний мир. Далее путь самовольщика пролегал через дорогу, соединяющую верхний и нижний городок бухты Голландия и вдоль бетонного забора жилого, казарменного городка училища, мимо стрелкового тира, на «дорогу жизни» – самый короткий протоптанный курсантский путь на Северную сторону города.

Владимир, потенциальный нарушитель воинской дисциплины, решил инкогнито покинуть режимный объект. Он спустился по косогору к лазу в заборе. И вдруг, задуманное неожиданно оказалось под срывом. Вездесущее око начальника строевого отдела капитана 2 ранга Иванова обнаружило тайный проход. При помощи сварочного аппарата лаз был тщательно заварен прутьями.

Но желание увидеться с женой переполняло Володю.
– Назад дороги нет! – он мысленно уже был дома, и никак не мог отказаться от задуманного. Ему уже представлялась

радостная встреча с женой и конечно горячие объятия любимой.

– Подумаешь преграда – забор!!! – подумал курсант Попов, – место безлюдное, на дороге нет никого, тихо. Не такие преграды нам по плечу!

Тем более, недавно получена оценка «Отлично» за преодоление полосы препятствий на уроке по физической подготовки, этому были подтверждением, и он чувствовал, что находится в отличной физической форме, полон сил и решительности.

Осмотревшись вокруг ещё раз нет ли вокруг посторонних свидетелей, прислушался – не слышны ли шаги на дороге, Вова ринулся на взятие металлического забора. Без особых проблем он оказался на самом верху. Прыгать было рискованно – высоко. Перешагнув острые концы прутьев, с вершины забора он вдруг увидел движущихся вниз по дороге людей.

– Быстрее, быстрее! Бегом через дорогу и «поминали лихом! – мозги сами давали команду к действию.

Его ноги заскользили вниз, тело рухнуло, благодаря земному притяжению, и он, отпустив руки, решил спрыгнуть на траву, но что-то помешало сделать это, словно крепкие чьи-то руки, остановили движение тела курсанта. До земли оставалось более метра, руки и ноги повисли, словно плети. Стальной холодный прут забора оказался между спиной и флотским бушлатом, который плотно обхватил его торс,

и за доли секунды стал слишком тесным. Попытка освободиться была безрезультатна. Расстегнуть пуговицы бушлата оказалось не под силу – металлические пуговицы натянули прорези петель. Вова беспомощно заболтал ногами и руками словно птица, пытающаяся взлететь ввысь. Звуки шагов, идущих по дороге, становились громче. Володя, затих в зависшем состоянии, успокаивая себя – «Может меня не заметят и пройдут мимо...».

К курсанту, словно парящему в воздухе, висевшему на заборе, не спеша приближалась пора пожилых людей. Вице-адмирал Крастылёв – начальник училища, ушедший недавно на пенсию, уступив пост своему приемнику капитану 1 ранга Саркисову, шёл, держа под руку свою супругу. Адмирал был авторитетной личностью и пользовался огромным уважением среди курсантов и профессорско-преподавательского состава училища. Он был строг, но очень справедлив, по-отечески проявлял заботу о своих питомцах – настоящий адмирал! Адмирал жил жизнью своего детища – Севастопольского Высшего Военно- Морского инженерного училища, работая на кафедре теории, управления и живучести подводной лодки, передавая свой богатый опыт будущим офицерам подводникам. При поступлении ребят в училище он беседовал с каждым будущим курсантом. Володя прекрасно помнил, как тогда, на мандатной комиссии, он ответил «да!» на вопрос адмирала:

– Хочешь стать офицером подводником, сынок?

И хотя он был облачён не в военную форму, Вова узнал экс начальника училища.

Кричать, просить о помощи было не совсем удобно, и ни к стати. Он так и висел на заборе, тихо, словно мешок, по швам опустив руки. Глаза, полные тоски, смотрели в сторону приближающихся людей.

Поравнявшись, с застывшим в позе «смирно», висящим курсантом, чета адмирала остановилась.

– Миша! Парень завис на заборе! Бедненький! Нужно помочь бедолаге! – певучим, тихим голосом обратилась женщина к адмиралу.

Они подошли ближе к забору. Адмирал осмотрел курсанта, и поняв причину его зависания на заборе, не спеша подошёл вплотную к Володе. Обхватив ноги курсанта, приподнял беспомощное тело и так помог Володе расстегнуть и сбросить с себя бушлат, освобождаясь от металлического штыря. Ноги коснулись земли. Общими усилиями заложник ситуации был освобождён.

– Давайте я, товарищ курсант, провожу вас до КПП училища, – предложил любезно адмирал.

– Спасибо, товарищ адмирал! Спасибо Вам большое! – прошептали Вовины губы, а руки в спешке накидывали на плечи бушлат. И уже на ходу, застёгивая бушлат, сколько есть мочи, курсант Попов кинулся наутёк, подальше от глаз адмирала, пока его не обнаружили вне территории училища местный патруль или начальство – подальше от греха.

Проскочив мимо фонтана и вахтенного курсанта у ворот. Отдышавшись, медленным шагом стал подниматься по ступенькам крыльца, ведущим к входной двери родной казармы.

– «Слава Богу, что кроме адмирала никто меня не видел! – подумал Володя, – какая ужасная попытка совершить самоубийство! Поскорее в казарму! ... Чёртов забор ... Надо же, сам адмирал помог! Не поверят наши ребята ...» В душе он был благодарен адмиралу и его супруге за оказанную помощь. А с другой стороны, оказавшись, в практически, беспомощной ситуации – распятым на металлической изгороди училища, ему было очень обидно и стыдно за свою оплошность.

Вывод был сделан тут же для себя – лучше самовольно покинуть училище по проторённому и проверенному пути – «тропе жизни» курсантов, махнув через бетонный забор в дальнем углу жилого, казарменного городка!

Третий курс курсанты прозвали «Веселые ребята».

Действительно, учиться стало легче и интересней. С фундаментальными науками было покончено, появились новые предметы с уклоном на изучение будущей специальности – корабельного инженера-электрика. За два прошедших учебных года ребята уже втянулись в размеренную курсантскую жизнь. Отличные условия были созданы командованием факультета для получения необходимых знаний и навыков будущей флотской службы. Появилась возможность ходить в увольнение чаще – кроме выходных, также и в среду.

Однокашники, находясь в увольнении, часто приходили в гости к Нине и Валентину. Нина стала хранительницей их гражданской одежды.

В Севастополе, морском городе, количество патрульных групп превышало здравый смысл. Комендантом гарнизона ставились условия – если патрульная группа прибывала на доклад по окончанию своего патрулирования, и не имела по результатам несения службы зафиксированных замечаний у военнослужащих, то считалось, что служба патрулем неслась неправильно, некачественно. Комендантом – самодуром применялись к патрульной группе наказания различного дисциплинарного характера.

Поэтому курсанты переодевались в гражданскую одежду,

так было проще, можно было расслабиться, и пивком побаловаться, или пропустить стаканчик чудесного крымского сухого вина, оставаясь не пойманным в употреблении напитками, запрещенным воинскими уставами.

В теплые весенние деньки, друзья – Володя Гузнов, Саша Мосолов, Володя Макаров, Володя Кауфман, Виктор Черноличенко, Володя Ердяков, Валентин и Нина, собирались на берегу моря или на территории «Братского кладбища» (историческое место, место захоронения погибших воинов во время Крымской войны 1854–1856 г.г.), святого райского уголка. Среди деревьев миндаля и пышных кустов цветущей сирени ребята вели беседы на различные темы, мечтали о предстоящей службе. Общенья были очень теплыми.

В строгом соответствии с воинским уставом внутренней службы и корабельным уставом, каждое утро, после утренних процедур – зарядки, личной гигиены и приборки в спальном помещении и на закреплённом внешнем объекте приборки, рота выстраивалась в две шеренги лицом друг к другу для осмотра младшими командирами внешнего вида курсантов. Форма одежды была всегда выглажена, начищена до блеска обувь. Это не только дисциплинировало курсантов, но и приучало их к порядку и опрятности.

И каждый вечер старшина роты, перед подготовкой ко сну, строил курсантов на вечернюю поверку, где проверялось фактическое присутствие каждого, делались объявления, зачитывался план предстоящих мероприятий на завтрашний день. Опоздание на построение без весомых причин наказывалось. Поэтому эти требования уставов выполнялись чётко.

И, вот! В один из вечеров, после объявления команды на построение для проведения вечерней поверки, в уже стоящий строй роты, влетел, сбросив с себя на ходу бушлат, запыхавшийся и покрасневшийся Витя Черноличенко. Его уши и лицо горели огнём.

– Фу – у – у! Успел! – выдохнул Виктор стоящему рядом Валентину.

– Ты откуда такой взялся? – шепотом спросил тот.

– Расскажу после!.. Я влип! Черт, надо же! – не мог успокоиться Витя.

После команды: «Разойдись! Приготовится ко сну!», он поделился своей историей, в которую попал несколько минут назад.

Виктор, познакомившись в увольнении с девчонкой, стал похаживать к ней на свидания. Но влюблённому Вите времени в увольнении было мало и он, имея задолженность, т. е. находясь в состоянии задолжника по сдаче какого-то зачёта и, не имея право на увольнение, в вечернее время, махнул через забор и по-тихому убыл на Северную сторону города, где проживала его зазноба. Даже в самовольной отлучке Виктору времени катастрофически не хватило. Наконец, расставшись с любимой, он поспешил, побежал в училище, так, как до вечерней поверке времени оставалось очень мало. Добравшись до конца улицы Богданова, глянул на часы и понял, что даже со скоростью спринтера ему не успеть на вечернее построение. Нервно подпрыгивая на обочине проезжей части дороги, размахивая рукой, Виктор надеялся остановить попутную машину, едущую в сторону училища. Надежда умирает последней! И вдруг, везение – на требовательные жесты Виктора притормозили новенькие «Жигули».

– В Голландию? – открыв заднюю дверцу машины, спросил Виктор.

– Да! – последовал ответ.

– Подбросьте пожалуйста к училищу, опаздываю! – взмолился курсант.

– Садись сзади! – ответил водитель, но почему-то очень знакомым голосом.

Виктор, облегчённо выдохнув, плюхнулся на заднее сидение.

Машина рванула с места, рассекая светом фар темноту надвигающейся ночи. На душе стало тепло от неожиданно-го везения. Витя, развалившись, раскинул руки на спинку, и непроизвольно глянул в зеркало заднего вида машины...

«О Боже! Не может быть!» – Подумал курсант. Лицо его перекосилось от увиденного, где в зеркале отчетливо отражалось лукаво улыбающееся лицо... КОМАНДИРА РОТЫ! Именно командира его роты...

Командир возвращался в Голландию после посещения магазинов на Северной стороне. Он тоже, в свою очередь, уже успел рассмотреть в зеркале лицо своего попутчика. Витя, с отвисшей челюстью, стал вжиматься в заднее сидение этой клятой машины. «Ну, попал! – Подумал Виктор. – Две недели без берега, в лучшем случае, обеспечено...»...

Ехали молча ... О чем говорить? Командир вёз пойманного курсанта своей отличной роты, самовольно оставившего воинскую часть – «самоходчика». И он, хотя и жил в доме, расположенном в верхней Голландии, довез курсанта к знаменитому курсантскому фонтану. Витя, не дожидаясь полной остановки машины, молча, как ужаленный выскочил из

авто и, не оглядываясь, сверкая пятками, скрылся за воротами казарменного городка.

Утром, на построение роты прибыл командир.

«По мою душу», – подумал Виктор.

– Курсант Черноличенко, выйти из строя! За убытие с территории воинской части без разрешения объявляю вам две недели без берега!

– Есть, две недели без берега! – отозвался «влюбленный Виктор» и почесал затылок. Курсанты тихо улыбались, зная вчерашнюю историю.

25. Очередная летняя практика курсантов была особенной. В середине июня курсанты, уже загорелые обласканные лучами южного солнца, прибыли в город Ленинград колыбель русской революции и культуры. Разместили их в Высшем Военно-Морском Инженерном училище имени Ф.Э.Дзержинского, в знаменитой «Дзержинке». Училище располагалось в самом центре города, в здании Адмиралтейства, по соседству с Дворцовой площадью, Медным всадником, Исакиевским собором и Невским проспектом. Особенность предстоящей практики на заводе «Электросила» состояла в том, что курсанты, для конспирации и соблюдения режима секретности, должны были быть на заводе в гражданской форме одежды. Каждый рабочий день на завод ребята добирались самостоятельно – на метро или на другом общественном транспорте. Организация проведения практики позволяла свободно совмещать изучение технологических

процессов изготовления корабельного электрооборудования с изучением славного города и его достопримечательностей.

Благодаря командиру роты, который также прибыл с курсантами из Севастополя, удалось наладить тесную связь с местным Домом офицеров и местным комитетом комсомола. Эти налаженные связи позволяли Валентину, как комсору роты, заполучать массу контрамарок на различные концерты, выставки, театральные представления, проходящие в то время в ленинградских театрах, на концертных залах и площадках, а главное – в центральном концертном зале Ленинграда «Октябрьский».

Как-то курсанты, прибыв к концу рабочего дня с завода, поужинав в училище, переодевшись в свою морскую форму и, получив увольнительные билеты, благодаря полученным контрамаркам, окунались в насыщенную культурой жизнь Северной Пальмиры.

Сам, красавец город, обилием исторических мест, красотой архитектуры старой постройки домов, улиц, проспектов, скверов и парков производил на ребят огромное впечатление. Особое впечатление производили на севастопольцев сами ленинградцы, люди. И город они называли – Питер. Здесь никто никому не спешил, жизнь протекала спокойно и размеренно. Всюду чувствовалось уважительное отношение друг к другу, а к молодым людям в военно-морской форме курсанта, чувствовалось это особенно. При любом обращении с просьбой подсказать, как туда-то пройти, или что-либо най-

ти, ленинградцы, бросая свои дела, чуть ли не за руку вели туда курсантов, с большим удовольствием показывая и рассказывая о городе, об исторических местах.

Как-то, в выходной день ребята решили побывать в ЦПКиО (центральном парке культуры и отдыха) имени Кирова. Огромная территория, лодочная станция, масса аттракционов манили курсантов, не так давно попрощавшихся с детством. И здесь военно-морская форма позволила без всяких очередей и, главное, бесплатно, благодаря проявлению уважения работников аттракционов, по несколько раз прокатиться с американской горки, а на лодочной станции, вообще сказали:

– Катайтесь ребятки столько, сколько хотите. Денег не надо!

Курсанты с головой окунулись в историю нашего государства, посещая исторические места города – Петропавловскую крепость, Эрмитаж, Петродворец, музеи, в душе завидуя доброй завистью своим ленинградским коллегам по высшим военно-морским училищам, а их в Ленинграде, целых шесть и две Военно-Морских академии.

Посещение всей курсантской ротой Пискаревского кладбища оказало на будущих защитников Родины огромное незабываемое впечатление. Бережное отношение ленинградцев к памяти о страшной Великой Отечественной войне, блокаде, унесших десятки миллионов человеческих жизней, звучащая симфоническая музыка Шостаковича, крупней-

шее количество алых роз, и сам мемориал своим величием памяти, поразили курсантов, а у Валентина увиденное, оставило душе и в памяти неизгладимый след.

«Дзержинка» в это время пустовала. Местные курсанты находились на практике, а выпускники этого года, защитив дипломные работы, покинули её стены.

Севастопольцы узнали о юморных курсантских традициях «дзержинцев». Оказывается, в ночь перед вручением погон и кортиков, выпускники, невзирая на тщательную охрану памятника Петру I, до блеска начищают гениталии коню Медного всадника так, что утреннее ленинградское солнце только на этом месте и сосредотачивает свои лучи, ослепляя своим отраженным блеском многочисленных жителей и гостей города. А памятник главному революционному чекисту, железному Феликсу, находящийся в центре внутреннего дворика училища, выпускники ночью облачают в специально сшитый тельник (тельняшку) огромного размера.

Что говорить! Лихие ребята эти «дзержинцы»!

Валентин за короткую практику очень полюбил Ленинград, и, вернувшись в Севастополь, много рассказывал Нине об увиденном. В его душе созрело желание непременно, в ближайшем будущем, не раз побывать вместе с семьей в этом красивейшем историческом городе на Неве.

На четвёртом курсе, прозванном «холостяки и женатики», курсанты расстались с полюбившимися бескозырками, с золотой ленточкой, информирующей всех о принадлежности её хозяина к славному Севастопольскому Высшему Военно-Морскому инженерному училищу. бескозырки сменили на флотские фуражки – «мицы» с военно-морским крабом (кокардой), а на рукаве золотом сверкала нашивка из четырёх галочек четвертый курс!

Валя нес наряд помощником дежурного по факультету. Утром «начфак» (начальник факультета), капитан 1 ранга-инженер Гаджибеков, строгий, требовательный, но справедливый офицер, прозванный в курсантской среде «Шер-Хан», сойдя с рейсового катера на пирс Голландии, перед тем как войти в казарму факультета, как всегда, обходил территорию, закрепленную за курсантами его факультета. И если где-либо был обнаружен окурок или мусор – всё, туши свет! Нагоняй получала вся служба. Но на этот раз пронесло, все было в порядке! Выслушав доклад, поздоровавшись, он традиционно, медленно выговаривая слова, с небольшим кавказским акцентом обратился к Валентину:

– Как семья, курсант Маличенко?.. Где снимаете жильё?.. Так!.. Так!.. Хорошо ... Я вас жду у себя в кабинете..., – что-то прикинув в уме, добавил, – через час!

Минута в минуту Валентин постучал в массивную дубовую дверь.

– Прошу разрешения, товарищ капитан 1 ранга! Главный старшина Маличенко прибыл по вашему приказанию!

– Проходи!.. Садись!.. – мягким голосом произнёс «нач-фак», сидящий за письменным столом.

– Как семья?... Где живете?... – повторил он поставленные утром вопросы.

Валентин подробно доложил.

Капитан 1 ранга, задумался, затем произнёс:

– Да!.. Жена работает... Дочь в садике... Отопление, значит, у вас печное... Хорошо!.. Я договорюсь с начальником тыла и, думаю, на днях подбросим вам на зиму дров и угля. Скажите мне ещё раз адрес! – записал и подняв голову, глядя в глаза Валентину, продолжил, – Ну, вот и хорошо! С учебой у Вас порядок, это я знаю ... Менее через два года вы – офицер флота! Легко не будет, но курсантские годы неповторимы ...

Ещё немного подумав, офицер встал и, уже официальным тоном, произнёс:

– Учитесь! Старайтесь! Всё! Вы свободны! Идите! Несите дежурство! – и крепко пожал руку взволнованному курсанту.

Валя растроганный столь душевной беседой, проявленной заботой о нём и его семье, сразу не смог сообразить, что ответить старшему офицеру и выпалил:

– Служу Советскому Союзу!

Гаджибеков улыбнулся, поглаживая короткие черные усы. Таким его улыбающимся, добрым, домашним Валентин видел впервые.

Придя домой, в очередное увольнение, он обнаружил рядом с домом целую гору дров и угля – такого дефицита в севастопольскую зиму.

Да! Сдержал слово начальник факультета!

В училище практиковались встречи с бывшими выпускниками, которые, будучи в очередном отпуске, заходили в родные пенаты. Курсанам было интересно пообщаться с молодыми офицерами. Они осыпали массой вопросов о их службе, а «женатики» задавали больше вопросов на бытовые темы – как с жильём, снабжением, детскими садиками, работой для жён и ещё, в этом духе. Ребята осознавали, что уже скоро их самих ждёт флотская, нелегкая жизнь, служба.

На четвертом курсе посыпались свадьбы! Везло тому, кто не был в выходные дни в наряде. Гуляли на свадьбах целыми классами, а бывало и всей ротой. Курсантские свадьбы – это большой праздник, веселое бурное застолье и, безусловно, праздник живота! Пировали обычно два дня.

Свадьба однокурсника Володи Лазарева была особенная, на Новый год! Под украшенной ёлкой совмещённые два праздничных события прошло очень весело. Гуляли на Сахарной головке, в близлежащем совхозе крымских вин. Первого января небольшим автобусом ребята добирались в город. На зыбком подъёме, на выезде из Инкермана, прозванном водителями «Тёщин язык», автобус остановили работники ГАИ. После беседы с водителем, его отстранили от управления автобусом, унюхав запах спиртного, предложив всем пассажирам добираться дальше самостоятельно.

Но ждать на продуваемой ветром дороге пришлось не долго, подобрал автобус, едущий на Северную сторону города...

Всех удивило то, что, невзирая на праздник, неслась на дорогах служба.

В курсантской роте быстро росло число «женатиков».

Свадьба Саши Кислицина на противоположной стороне бухты Голландия, свадьба Игоря Харченко на Красной горке, свадьба Бори Раскошного в шикарном ресторане гостиницы «Украина», и многие другие, – как это было здорово, весело

...

После окончания четвёртого курса очередную практику будущим инженерам-электрикам флота предстояло провести летом на современных атомных подводных кораблях Северного флота, в одной из самых отдалённых военных баз атомных подводных лодок Кольского полуострова – Гренихе.

На перроне севастопольского вокзала курсантов убывающих на практику собралось много провожающих – родители, жены, невесты, друзья. Среди провожающих была и Нина с маленькой Викой, которая не покидала рук друзей – однокашников.

Под традиционные звуки марша скорый поезд «Севастополь – Ленинград» стал уносить ребят из славного города далеко – далеко на север ...

Валентин знал, что через несколько часов поезд должен был проходить через родной городок, и он, накануне отъезда поезда, дал телеграмму маме, сообщив номер поезда, вагона и времени проезда поезда через родную станцию.

Глубокая ночь. Поезд замедляет ход, за окнами вагона мелькают знакомые дома и вот родное здание вокзала – красавец – памятник архитектуры, построенное еще до революции знаменитым зодчим.

Перрон пуст, за исключением дежурного в красной желез-

нодорожной фуражке и стоящей посреди перрона пожилой женщины, держащей в руках велосипед, обвешенный сумками. Проводник вагона, поддавшись на уговоры моряков, стоит окруженная курсантами в тамбуре у открытой двери.

– МАМА! МАМА! – замахал рукой Валентин.

Тепловоз протянул курсантский вагон немного вперед, по ходу, от стоящих на перроне одиноких людей.

– Ребята! Поезд стоит всего одну минуту! – кричала проводник вслед прыгающим на перрон морякам.

Дежурный по вокзалу, не ожидая такого разворота событий, отошел в сторону, опасаясь, что ребята в полосатых тельняшках, бегущие к женщине, стоящей рядом с ним, собьют его с ног.

Первым к маме подскочил Валя и, крепко обняв, поцеловал родного человека.

– Сынок!.. Родной!.. Вот!.. Вам гостинцы!.. Сумки!.. – спеша, скороговоркой отвечала она на объятия.

Ребята, подбегая, здороваясь и целуя Валину маму, поняв сказанное ею правильно, уложили велосипед на асфальт и, ухватив полные сумки, ринулись обратно к открытой двери вагона.

– У меня всё хорошо, мама! Нина, Вика... всё хорошо! Едем всего на пару месяцев, на практику, на Север. На обратном пути заскочу! Пока! Спасибо тебе за хлопоты, за гостинцы! – Валя, осыпал поцелуями маму.

Поезд тронулся. Валентин кинулся догонять убегающую

открытую дверь вагона. Крепкие многочисленные полосатые руки подхватили его и втянули в тамбур.

На перрон летели пустые сумки, содержимое которых ребята успели быстро вытряхнуть в своих купе.

Курсанты еще долго стояли у открытых дверей вагона, оттеснив проводника. Ребята махали руками старушке, одиноко стоящей на ночном перроне вокзала, рядом с опрокинутым велосипедом и потрясенным от увиденного дежурным по вокзалу, так и стоящим с поднятым в руке жезлом, дающим разрешение машинисту поезда трогать состав...

Север оказал незабываемое впечатление на ребят. Солнце в течение суток практически не садилось, непрерывно кружило по небосводу. В вечернее время в казарме экипажа подводного атомохода, куда поселили курсантов, на окна опускали черную бумагу, искусственно создавая темную ночь.

Вокруг городка множество чистых, прозрачных озер. Северяне говорили, что скоро будет в тундре обилие ягод, грибов – «хоть косой коси».

Особенно чувствовались хорошие отношения между военными и гражданским населением, – доброта, понимание, уважение. Слово «земляк», здесь ассоциируется со словом «родственник».

Новый, прекрасный Дом офицеров. Недавно построенные пятиэтажные жилые дома, магазины и воздух свежий, чистый, необыкновенный.

Ребята были распределены по подводным лодкам, по экипажам и вплотную познакомились со своей будущей профессией и службой. Практика была насыщена разнообразием флотской службы. Побывали и на открытии памятника – мемориала погибшей атомной подводной лодке «К-8», узнав подробности о подвиге моряков подводников, погибших, но до конца выполнивших свой воинский долг. Оказывается,

что две улицы военного городка названы в честь командира «К-8» Героя Советского Союза капитана 2 ранга Бессонова и корабельного врача, капитана медицинской службы Соловья, который ценой своей жизни спас недавно прооперированного подводника, отдав ему свой дыхательный аппарат.

Здесь курсанты еще раз осознали силу и огромное значение флотской дружбы, взаимовыручки, благородство флотской службы.

Рота на 4-м курсе стала больше, т. к. прибавилось еще два класса. Произведенное объединение второго электротехнического и третьего – дизельного факультетов, стало результатом рождения общего, третьего – электромеханического факультета.

Пятый курс, прозванный «отцы и дети», был завершающим. Всего один семестр, а затем продолжительная преддипломная практика, в основном там, где предстояло продолжить службу после окончания учебы и защиты дипломного проекта, став лейтенантом-инженером Военно-Морского Флота.

На погонах Валентина уже была широкая золотая лента – галун. В звании главный корабельный старшина он занимал должность заместителя командира роты.

На семейном совете Валя и Нина приняли решение начать офицерскую службу на Камчатке, поэтому практика предстояла на далёкой Камчатке.

До места прохождения практики путь был один – самолетом.

Зима, январь. Летели пассажирским рейсом из Симферополя в Хабаровск с несколькими посадками на дозаправку, а затем, сделав пересадку в Хабаровске, прямым рейсом до Петропавловска-Камчатского.

Руководил камчатской группой практикантов преподаватель училища капитан 1 ранга Стрельников, заслуженный офицер, старший преподаватель одной из кафедр училища. Дорога была утомительной, но ребята не унывали. В Хабаровске произошла задержка рейса из-за снежных камчат-

ских метелей. На улице более 20-ти градусов мороза, очень холодно. Непривычно было ребятам оказаться после солнечного тёплого Крыма и после, почти пяти лет прожитых в солнечном Севастополе. Несколько дней ожидания рейса на Камчатку, в хабаровском аэропорту, стали похожими друг на друга: днем – шатание по зданию очень переполненного аэропорта, посиделки с гитарой, а вечером – поиск места для ночлега на полу аэропорта, ведь кресла в зале ожидания были отданы женщинам и детям. Ребята, тем не менее, были веселы, не унывали! Романтика, как – никак!

К группе курсантов прибился гражданский паренек-одногодок, тоже ожидающий рейс на Камчатку, студент «Дальрыбвтуза». Он отличался в среде курсантов, которым разрешалось носить только аккуратную короткую причёску, своей роскошной длинной шевелюрой. Ребята, зачастую меняясь с ним верхней одеждой, чтобы избежать проблем с местным патрулем, бегали за съестным в ближайший гастроном.

Как-то руководитель группы капитан 1 ранга Стрельников, находясь «под мухой», якобы для согрева, поймал «бедолагу» парня в курсантской форме, и, конечно, не заподозрив в нём чужака, обнаружил у него, режущую глаз, странную причёску.

– Ну, ты сынок, и зарос! – сказал Стрельников, взяв за руку упирающегося студента, и потащил его в парикмахерскую. Сев за спиной парикмахера и руководя процессом стрижки, за свой счет остриг несчастного, практически под

ноль. При обратном обмене верхней одеждой, курсант, прибывший с покупками, еле признал в своей шинели парня ... Смех, да и только!

А когда Стрельникову доложили, что из общей груды курсантских вещей – сумок и чемоданов, пропал чемодан, он, собрав всех, произвел инструктаж, требуя особой бдительности, акцентируя внимание на том, что здесь, в аэропорту, присутствует много сомнительных личностей. И, сработало! А когда, прибыв на Камчатку, он потребовал доложить о наличии личных вещей, то его приятно удивила новость, что у курсантов стало на два чемодана больше ...

– Ну, вы, даёте! – подвел он итог.

Камчатская земля встретила будущих офицеров особой зимней красотой. Снега вокруг было немерянно! Над столицей Камчатки – Петропавловском-Камчатским величественно возвышались два огромных великана – Авачинский и Карякский.

База подводных лодок располагалась в красивой и уютной бухте Крашенинникова, на противоположном берегу большой Авачинской губы. Огромные подводные атомоходы, схожи на гигантских китов, словно спали у пирсов. Поселок Рыбачий, он же – Петропавловск-Камчатский – 53, с тремя-четырьмя десятками 2-х, 5-ти этажных домов, которые, как на картинке, компактно, расположились на склоне сопки, с улицами параллельными береговой черте, соединяющимися широкими, сваренными из труб и вымощенными

ми досками сходнями, трапами – лестницами. С поселковым центром, уют которого подчеркивали, новенький универмаг, почта, сберкасса, банно-прачечный комбинат, детский сад. В глаза очень бросалось множество детворы на улицах.

Стояла обычная солнечная, зимняя, камчатская погода с небольшим морозцем. Но, если начинался снегопад, снежный покров рос на глазах, доходя до уровня вторых этажей. «Борьба со снегом» – была привычным делом подводников, так называли этот процесс, когда с утра и несколько часов экипажами кидали лопатами снег, расчищая проходы на пирсах и подъездных дорогах.

Обилие снега, относительно мягкая зима способствовали уделять спорту в каждом экипаже особое внимание. В казармах хранились 2–3 десятка пар лыж. В свободное от вахт и занятий время, бери лыжи и на сопку, где спуски на любой вкус.

Ребята-курсанты встретили здесь своих коллег – представителей всех высших флотских учебных заведений страны, которые также прибыли на свою практику по своей специализации. В казармах ребята жили все вместе, между многими завязывалась дружба. Многие не упускали возможность покататься на лыжах в прекрасные солнечные зимние дни, а некоторые впервые став на лыжи, прогрессировали в практическом познании стремительных спусков с проложенными рядом с казармами лыжными трассами.

Благодать!

В Севастополь вернулись в разгар весны.

Позади почти три месяца морской практики, с выходами в океан на подводных атомоходах, изучением устройства корабля и практической отработки по специальности. Курсанты, с полной ответственностью, уже конкретно, готовились к предстоящей службе, а командование кораблей присматривалось к своим будущим членам экипажа. Всего через полгода выпускники всех военно-морских училищ страны должны были начать службу на этих современных кораблях уже в качестве инженеров-лейтенантов.

Возвращаясь в училище, друзья делились друг с другом своими впечатлениями.

Начиналась подготовка к работе над дипломными проектами. Решался вопрос и с местами дальнейшей службы. Друзья понимали, что им в качестве лейтенантов, несмотря на право выбора, предстоит служить преимущественно там, где была последняя корабельная практика. Москвичи Саша Мосолов и Вова Макаров, выбрали Север, ближе все-таки к столице, к родным. Володя Гузнов, Витя Черноличенко и Валентин выбрали Тихоокеанский флот, Камчатку.

Уже, совсем скоро, однокашникам предстояла разлука, разлука длительная, а может и навсегда ...

Наступало последнее курсантское лето. Шла полным ходом подготовка к защите дипломных проектов и государственному экзамену по «научному коммунизму». Параллельно подготовке Володя Макаров и Игорь Харченко создали художественный коллектив, который занялся изготовлением красочного выпускного курсантского фотоальбома.

Альбом состоял из официальной и юмористической частей. На первой странице предполагалось: личное фото выпускника, тиснённые с золотом фамилия, имя и отчество обладателя альбома, название училища, военно-морской кортик с погонами лейтенанта-инженера.

Внутри, на страницах выпускного альбома ребята отобрали все пять лет совместной учебы и курсантской жизни.

Финальная страница альбома была особой – карта Советского Союза, с городами и адресами ребят. Перед картой с чемоданами стоял офицер с женой и маленькими детьми, стояли они лицом к карте, и надпись: «Стучись в любую дверь!»

На пятом курсе очень серьёзно заболел однокашник Толя Антонов. Болезнь приковала его к госпитальной койке на несколько месяцев. Ребята – однокашники часто навещали его в госпитале, помогали в учебе, а после преддипломной практики помогали в подготовке к защите дипломного про-

екта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.